

ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «ПУШКИН И БАЙРОН»

I

Раннее знакомство Пушкина с произведениями Байрона

Вопрос о том, какие произведения Байрона знал Пушкин в первые месяцы южной ссылки, на каком языке их читал и в каком отношении к ним находились его собственные сочинения тех дней (главным образом, элегия «Погасло дневное светило...» и «Кавказский пленник»), изучен подробно и внимательно; тем не менее последняя точка еще, оказалось, не поставлена. Собранные биографами Пушкина сведения на этот счет, грешащие неточностями, а вероятно, и домыслами, были уже давно, в 1913 г., сгруппированы, критически проанализированы и дополнены М. А. Цявловским под специальным углом зрения — для выяснения, в каком объеме Пушкин владел английским языком.¹ Этой же цели отвечало и пространное примечание В. М. Жирмунского в его классической монографии, посвященной пушкинской рецепции «восточных» поэм Байрона и становлению в русской литературе романтической поэмы.² Уточненная и скорректированная отдельными частными наблюдениями, опубликованными позднее другими учеными, картина вырисовывается в следующем виде.

¹ Цявловский М. А. Заметки о Пушкине: II. Пушкин и английский язык // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 17/18. С. 48–73.

² Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы. Л., 1924. С. 326–327; [2-е изд.]. Л., 1978. С. 409–412.

Отправляясь в южную ссылку, Пушкин должен был иметь какое-то представление о Байроне, которое могло сложиться из нечастых еще публикаций в французской прессе и единичных в русской, касавшихся нового светила английской поэзии, из разговоров друзей и знакомых, с увлечением читавших в 1819 г. в подлиннике творения нового гения (В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, И. И. Козлов), из писем П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу, полных восторженных отзывов о «Паломничестве Чайльд-Гарольда» вкупе с переводами и цитациями отдельных строф этой поэмы, наконец — из вероятного, но не доказуемого знакомства с выполненным И. И. Козловым переводом на французский язык «Абидосской невесты» (1819).³ Хотя по всем обстоятельствам уже осенью 1819 г. была неизбежна какая-то встреча Пушкина с поэзией Байрона, в его лирике конца этого года и начала следующего она не оставила никакого следа. Его мироощущение тех месяцев, находившее выражение, например, в письме П. Б. Мансурову от 27 октября 1819 г., в стихотворениях «<Юрьеву>» («Здорово, Юрьев, именинник...», 20–23 сентября 1819), «Стансы Толстому» («Философ ранний, ты бежишь...», предположительно декабрь 1819), «Юрьеву» («Любимец ветреных Лаис...», вторая половина апреля — 3 мая 1820), дисгармонизировало с ее духом и настроением, так что на этом фоне вряд ли могло родиться сопереживание, потребность с нею более познакомиться, глубокое восприятие и творческое освоение. Правда, две фразы в письме П. А. Вяземскому ок. (не позднее) 21 апреля 1820 г. («Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих; авось полуденный воздух оживит мою душу». — Акад. XIII, 15) допускают интерпретацию их как типично «чайльд-гарольдовского» настроения, но вероятнее были сообщением о грядущей ссылке, завуалированным традиционным литературным мотивом удаления из города на лоно природы. Условия для того, чтобы байроновская поэзия нашла у Пушкина отзвук, возникли уже в ссылке, когда он, вырванный из привычного круга общения и остро переживавший «измену», как ему казалось, легко с ним

³ Гликман И. Д. И. И. Козлов // Козлов И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1960. С. 12.

расставшихся и сразу его забывших друзей, испытал разочарование в радостях и ценностях столичной жизни, а принудительный отъезд из Петербурга трансформировался в его сознании в якобы желанное добровольное изгнание. На этой почве актуализировались уже присутствовавшие в элегической лирике Пушкина (1816) меланхолические мотивы и создался эмоциональный настрой, отзывчивый к духовному миру байронического героя. Впечатления от живописных и «диких» российских окраин (Кавказ, Крым, Молдавия) и их народов оживили для Пушкина и приблизили к нему экзотический Восток байроновских поэм. Нет достаточной ясности касательно того, в каком объеме знал Пушкин в это время «Паломничество Чайльд-Гарольда». Мотивы разочарования, равнодушия к жизни и пресыщения ее радостями в «чайльд-гарольдовском» духе присутствуют в «Кавказском пленнике» и звучат в первой же элегии южного периода «Погасло дневное светило...», начатой сочинением в ночь с 18 на 19 августа 1820 г. во время переезда морем из Феодосии в Гурзуф и завершённой в 20-х числах сентября. Современники, в первую очередь друзья Пушкина, усмотрели в этом стихотворении «байронщизну»,⁴ хотя в первой публикации отсутствовало авторское указание на «подражание Байрону», появившееся лишь в оглавлении «Стихотворений Александра Пушкина» (1826) как уступка, по видимому, стойкому убеждению читателей и послужившее основанием считать, что элегия была написана «под живым впечатлением только что прочтенного “Чайльд-Гарольда”».⁵ Однако почти все немногие более или менее убедительные текстовые параллели (стихи 4, 16–20, 40) могли быть подсказаны русскими и французскими цитатами в письмах П. А. Вя-

⁴ Прочитав элегию, П. А. Вяземский в письме А. И. Тургеневу от 27 ноября 1820 г. допускал, что именно он приведенными в письмах ему же от 25 октября и 15 ноября 1819 г. цитатами из прощальной песни Чайльд-Гарольда («*Peu m'importe le rivage où tu me conduis, pourvu que ce ne soit pas le mien!*») — Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 338, 353) «наговорил» Пушкину «байронщизну» стихов «Но только не к брегам печальным Туманной родины моей» (Там же. Т. 2. С. 107). Вяземский был, таким образом, уверен в том, что Пушкин читал его письма к А. И. Тургеневу.

⁵ Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 141.

земского, а сопоставление других мотивов не имеет достаточной доказательности, так как с равной, если не с большей, вероятностью они восходили к ожившему в творческом сознании Пушкина элегическому пласту 1816 г., продолжением которого, по мнению некоторых пушкинистов, и явились главным образом лирика и поэмы южного периода.⁶ Не нашло подтверждения предположение П. О. Морозова,⁷ согласно которому в 1820 г. до Пушкина какими-то путями дошла и отразилась в стихотворении «Погасло дневное светило...» элегия К. Н. Батюшкова «*Есть наслаждение и в дикости лесов...*» (перевод строф 178–179 четвертой песни «Паломничества Чайльд-Гарольда»); скорее всего, Пушкину она стала известна много позже, в 1826–1828 гг., во время подготовки ее к печати, и тогда же он записал ее текст.⁸

На Кавказе предположительно, а в Гурзуфе определенно Пушкин учил английский язык с помощью Н. Н. Раевского сына.⁹ Для занятий была выбрана книга «Сочинения Байрона», которую в Крыму они читали «почти ежедневно», пользуясь, возможно, при необходимости консультациями Ек. Н. Раевской.¹⁰ Кажется, читали они «Корсара».¹¹ А. Мицкевич, опираясь, видимо, на слышанное от самого русского поэта, писал в его некрологе («*Le Globe*». 1837. 25 mai), что «прочитав байроновского “Корсара”, Пушкин почувствовал себя поэтом»,¹² а, по убедительному заключению В. М. Жирмунско-

⁶ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813–1824). С. 121.

⁷ Пушкин А. С. [Собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз; Ефрон, 1908. Т. 2. С. 550.

⁸ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935. С. 507–508; Вацуро В. Э. Последняя элегия Батюшкова: К истории текста // Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994. С. 150–165.

⁹ При дальнейших упоминаниях «сын» опускается.

¹⁰ Бартнев П. И. Пушкин в южной России. М., 1914. С. 36; Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху, 1799–1826. СПб., 1874. С. 151; Пушкин в воспоминаниях современников / Сост. и примеч. В. Э. Вацуро и др. М., 1985. Т. 1. С. 220.

¹¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1. (1799–1824) / Сост. М. А. Цявловский; отв. ред. Я. Л. Левкович. С. 197.

¹² Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 4. С. 90.

го,¹³ влияние этой поэмы сказалось прежде всего в «Кавказском пленнике», открывшем именно в Гурзуфе новую страницу пушкинского творчества. Поскольку в Гурзуфе интересы Пушкина распределялись также между Вольтером и А. Шенье и другим времяпровождением,¹⁴ а знание английского языка у Раевского было вряд ли достаточным,¹⁵ чтобы одолеть большую поэму в короткий промежуток между приездом (19 августа) и началом работы над «Кавказским пленником» (около, после, 24 августа), то не лишено вероятности, что читать «Корсара» друзья приступили еще на Кавказе.¹⁶ Читали, может быть, и «Гяура», что позволяют предположить выполненные Пушкиным (ПД 49; Акад. II, 469, 990) и Раевским (ПД ф. 244, оп. 3, № 38) черновые переводы отрывков из этой поэмы. Публикуя впервые пушкинский, П. О. Морозов датировал его 1821 г., исходя из того, что на том же листке записаны черновые наброски начала «Братьев разбойников».¹⁷ В 1930-х гг. М. А. Цявловский и Ю. Г. Оксман печатали его под 1822 г., датируя 1821–1822 гг.¹⁸ «по положению в рукописи».¹⁹ В то же самое время Т. Г. Зенгер-Цявловская осторожно предположила, что «может быть, относится он даже к 1820 г., когда Пушкин в Гурзуфе занимался с Н. Н. Раевским изучением английского языка»;²⁰ однако свое мнение она быстро изменила и, вернувшись к датировке, предложенной П. О. Морозовым, поместила этот перевод в большом академическом «*Полном со-*

¹³ *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы. [2-е изд.]. Л., 1978. С. 46–54.

¹⁴ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 219–220.

¹⁵ См.: *Филиппсон Г. И.* Воспоминания. М., 1885. С. 155.

¹⁶ *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929. С. 29–30.

¹⁷ *Пушкин А. С.* Соч. / Изд. Имп. Акад. наук. СПб., 1912. Т. 3. Примеч. С. 190–191, 177.

¹⁸ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 365; Т. 2. С. 325 (Прилож. к журналу «Красная нива»); так же в последующих шеститомных собраниях 1930-х гг., последнее из которых: Полн. собр. соч.: В 6 т. 5-е изд. М., 1937. Т. 1. С. 554.

¹⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. М. А. Цявловского. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 788.

²⁰ Рукою Пушкина... 1935. С. 29.

брания сочинений» среди отрывков 1821 г.,²¹ где он утвердился и в последующих собраниях сочинений, вплоть до наших дней. В последнем, для которого исследовательница готовила комментарии, она упомянула и о наброске Раевского, причем в составленном ею примечании чувствуется подспудная мысль о связи между обоими переводами,²² которую сформулировать она не решилась даже в виде предположения. Между тем в приложенной к рукописи справке архивистов Пушкинского Дома (1930-е гг.), дословно повторяющей текст записки, поступившей из архива П. Е. Щеголева вместе с самим листком, говорится: «Возможно, что перевод этих отрывков относится к занятиям Пушкина, под руководством Н. Н. Раевского и его сестер, английским языком, во время совместного пребывания их летом 1820 г. на Кавказе и в Крыму».²³ Это предположение явно витало в пушкиноведческой среде, но так и не нашло выхода в научную печать.

Таким, насколько по дошедшим до нас прямым и косвенным свидетельствам и фактам можно его реконструировать с неизбежным отсутствием некоторых важных звеньев, но тем не менее с надежной степенью уверенности, было знакомство Пушкина с поэзией Байрона ко времени приезда в Кишинев в конце сентября 1820 г. Весьма, по всем имеющимся признакам,

²¹ Датировку см.: Акад. II, 1187. Датировка 1821 г. принята в изданиях «Летописи», вышедших под ред. Я. Л. Левкович (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799–1826 / Сост. М. А. Цявловский. — 2-е изд., испр. и доп. Отв. ред. Я. Л. Левкович. Л., 1991. С. 295; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1. С. 269). Тем не менее в новейшем переиздании сборника «Рукою Пушкина» воспроизведена, без каких-либо оговорок или уточнений, датировка гурзуфскими днями (см.: Рукою Пушкина: Выписки и записки разного содержания; Официальные документы. 2-е изд., перераб. / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. М.: Воскресенье, 1997. (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 17). С. 29).

²² «Это — первый из известных нам переводов Пушкина с английского; языком он занимался в Гурзуфе с Н. Н. Раевским (младшим). В бумагах Пушкина сохранился перевод из «Гяура», сделанный Н. Н. Раевским» (*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 625). Здесь допущена неточность: перевод Раевского не хранился в бумагах Пушкина; он поступил в Пушкинский Дом в составе архива П. Е. Щеголева и был присоединен к Пушкинскому фонду.

²³ Далее следует ссылка на статью М. А. Цявловского (с. 58–64).

поверхностное на этот момент, но тем не менее достаточное, чтобы воспринять всю ее новизну и *современность* и получить от нее первый сильный творческий импульс, оно в дальнейшем расширялось и углублялось по издававшимся французскими литераторами Амедеем Пишо (Pichot, 1796–1877) и Эзобом де Салем (Salle) собраниям переводов произведений Байрона. Для рассматриваемого периода интерес представляют первое²⁴ и второе²⁵ издания, вышедшие в 1819–1822 гг. Движение и раз-

²⁴ Œuvres de lord Byron, traduites de l'anglais par... Paris: Ladvocat, 1819–1821. 10 vols.

Т. 1. Notice sur lord Byron. — Le Corsaire. — Lara. — Adieu. 1819. Объявление о выходе: Bibliographie de la France [далее сокращенно: BdF]. 1819. 11 Sept. № 37. P. 419 (№ 3154).

Т. 2. Le Siège de Corinthe. — Parisina. — Le Vampire. — Oscar d'Alva. — Mazerpa. — Les Tenèbres. — A Maria****. — Stances («Le monde n'a plus de plaisirs...»). 1819. Объявление о выходе одновременно с т. 1.

Т. 3. La Fiancée d'Abydos. — Manfred. — Fragments. 1819. BdF. 1819. 30 Oct. № 44. P. 509 (№ 3816).

Т. 4. Le Pèlerinage de Childe Harold: Chants I et II. 1819. Объявление о выходе одновременно с т. 3.

Т. 5. Le Giaour. — Childe Harold: Chant III. — Le Prisonnier de Chillon. 1820. BdF. 1820. 5 Févr. № 6. P. 74 (№ 442).

Т. 6. Don Juan: Chants I et II. 1820. Объявление о выходе одновременно с т. 5.

Т. 7. Childe Harold: Chant IV. 1820. BdF. 1820. 11 Mars. № 11. P. 140 (№ 891).

Т. 8. Beppo. — Poèmes sur Napoléon. — Les Lamentations du Tasse. — Poésies détachées. 1820. Объявление о выходе одновременно с т. 7.

Т. 9. Lettre de lord Byron à J.Murray. — Marino Faliero. 1821. BdF. 1821. 15 juin. № 24. P. 327 (№ 2408).

Т. 10. Marino Faliero: Acte V. — La Prophétie du Dante. — Mélodies hébraïques. — Mélanges. — Les Poètes anglais et les Critiques écossais. 1821. Объявление о выходе одновременно с т. 9.

²⁵ Œuvres complètes de lord Byron, traduites de l'anglais par A.—E. de Chastopalli. 2^d éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris: Ladvocat, 1820–1822. 5 vols. (издание не закончено).

Т. 1. Notice sur lord Byron et ses écrits. — Elégies a Thyrsa. — Le Corsaire. — Lara. — Adieu. — Le Siège de Corinthe. — Parisina. — Oscar d'Alva. — Mazerpa. — La Fiancée d'Abydos. — Manfred. 1820. BdF. 1820. 5 Août. № 32. P. 431 (№ 2863).

Т. 2. Le Giaour. — Le Prisonnier de Chillon. — Don Juan: Chants I et II. — Beppo. — Ode à Napoléon. — Ode sur l'étoile de la Légion d'honneur. — Adieux d'un Polonais à Napoléon. — Adieux de Napoléon à la France. — Ode («Nous ne te maudissons pas, ô Waterloo!»). — Traduction du fameux chant de guerre Δεῦτε παῖδες τῶν Ελλήνων. — Ζῶη μου, σὰς ἀγαπῶ.— Les Lamentations du Tasse. —

личные тонкие оттенки пушкинского восприятия Байрона стали бы много понятнее, если бы было известно, когда и в какой последовательности доходили эти переводы до русского поэта — сразу ли полным комплектом одного издания или разрозненными томами с промежутками разной продолжительности. К сожалению, никаких прямых свидетельств об этом не имеется, а скудные косвенные не было сделано даже попытки проанализировать. Пушкинисты удовлетворились простой констатацией того факта, что, говоря словами М. А. Цявловского, «несомненно, Пушкин и на юге, как и в Михайловском, читал Байрона и других английских писателей (Шекспира, Томаса Мура, Вальтер-Скотта) во французских переводах», и указанием на существование упомянутых выше изданий А. Пишо и Э. де Салья, которые, однако, никто не исследовал de visu по причине их отсутствия в петербургских и московских биб-

Poésies diverses: Vers écrits sur un album; Stances composées en traversant le golfe d'Ambracia, le 14 novembre 1809; Stances composées le 11 octobre 1809, pendant une nuit d'orage; Euthanasia; Stances à *** («Si quelquefois au milieu des villes habitées par les hommes...»); A Genevra; Clarissa: Imitation en vers. — Ode à Venise. — Esquisse d'une vie privée. — Calmar et Orla. — Les Poètes anglais et les critiques écossais. 1820. Объявление о выходе одновременно с т. 1.

Т. 3. Childe Harold, poème. 1820. Объявление о выходе одновременно с т. 1–2.

Т. 4. Lettre de lord Byron à J.Murray au sujet de Bowles. — Marino Faliero. — La Prophétie du Dante. — Mélodies hébraïques. 1821. BdF. 1821. 1 juin. № 22. P. 303 (№ 2193).

Т. 5. Sardanapale. — Les Deux Foscari. — Caïn. 1822. BdF. 1822. 25 mai. № 21. P. 324 (№ 2491).

(Сведения о содержании томов первого и второго изданий приведены по кн.: *Estève E. Byron et le romantisme français: Essai sur la fortune et l'influence de l'œuvre de Byron en France de 1812 à 1850.* Paris, 1907. P. 526–527, — и сверены с BdF. Согласно BdF, т. 5 первого издания содержит «les Ier et IIe chants de *Don Juan*», а т. 6 — произведения, которые Э.Эстев указал входящими в т. 5. В экземпляре третьего тома второго издания, которым пользовался Эстев, находился также описанный ученым в составе этого тома «Le Vampire» с отдельной пагинацией. По сведениям BdF (1820. 21 Oct. № 43. P. 582, № 3786), «Вампир» не был включен во второе издание как не принадлежащий Байрону и был напечатан отдельно в том же формате в качестве как бы приложения. Это произошло до выхода т. 4, что объясняет, почему в комплекте Эстева повесть была приплетена к третьему тому.

В BdF даты указаны по *новому* стилю.)

лиотеках.²⁶ Этот недочет дореволюционного и советского литературоведения, в значительной мере, конечно же, вынужденный, не преминул заметить В. В. Набоков, который, вместо спокойного и профессионального его восполнения, использовал его как очередной повод излить свой привычный высокомерный сарказм, показав себя, впрочем, в этом случае, как и во многих других, прекрасно образованным дилетантом. Не владея в полном объеме литературой вопроса и не зная, в частности, статьи М. А. Цявловского, откуда только что выше была приведена цитата, он обличил «русских комментаторов», которые все якобы «упорно не замечают того важного факта, что в пушкинскую эпоху русские писатели знали литературу Англии, Германии и Италии, как и произведения древних, не по оригиналам, а по несметным пересказам неутомимых французов (from the stupendous exertions of French paraphrasts)». Также вследствие своей недостаточной осведомленности приписал он «русским издателям» и назвал «легким бредом» им же самим выдуманное «видение о барышнях Раевских (знавших английский от гувернантки), в беседах либо во гротах обучающихся влюбленного, но усердного Пушкина языку Байрона».²⁷

Посредническая роль французской литературы между русской и другими европейскими, а также древними хорошо изучена этими самыми «русскими комментаторами» как в магистральном, так и в частных, индивидуальных ее проявлениях, в том числе и особенно применительно к Пушкину, а потому нет необходимости опровергать ложное в своей категоричности обобщение В. В. Набокова, касающееся всех писателей и всех читателей пушкинской поры, равно как и всех отечественных литературоведов. Достаточно лишь напомнить, что задолго до

²⁶ Цявловский М. А. Указ. соч. С. 69. В Петербурге имеются т. 9–10 первого издания (БАН, шифр: 1926 / В - 11835), т. 2 (ИРЛИ, шифр: 1939к / 3251) и т. 4 (РНБ, шифр: 6.63.9.58; БАН, шифр: 1926 / В - 11831) второго.

²⁷ *Pushkin A. S. Eugene Onegin: A novel in verse / Tr. from the Russian, with a commentary, by V. Nabokov. New York, 1964. Vol. 2. P. 158; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. СПб., 1998. С. 182.*

него, еще в 1937 г., сказал Б. В. Томашевский в первом же абзаце своей прекрасной монографической статьи «Пушкин и французская литература»: «Для Пушкина французский язык был вторым родным языком. Мы знаем, что именно во французском переводе Пушкин читал итальянских авторов, например Мандзони, его роман “Обрученные” (“I promessi sposi”), хотя мог читать итальянцев и в подлиннике; по-французски Пушкин читал Байрона, В. Скотта и Шекспира в период своего увлечения ими, и лишь позднее изучил английский язык настолько, что мог свободно читать на нем; по-немецки Пушкин читать не любил и тоже во французских переводах читал Шлегеля, а позднее Гофмана, Гейне, Жан-Поля и даже сказки Гримм. Конечно, и античные авторы и восточные были известны Пушкину преимущественно во французских переводах. Наиболее характерным является факт перевода Пушкиным сборника П. Мериме “Гюзла, или Избранные произведения иллирийской поэзии” (“La Guzla”). Этот перевод показывает, что даже славянскую поэзию Пушкин считал возможным брать во французской интерпретации. Франция была передатчицей иных культур, иных национальных ценностей».²⁸ Что же касается бредового «видения» о барышнях Раевских и влюбленном, но усердном Пушкине, то еще Я. К. Грот (не в этой ли фамилии корень выдумки Набокова?) ввел в пушкиноведческий оборот многократно впоследствии цитировавшиеся и перепечатывавшиеся разъяснения Ек. Н. Орловой относительно того, в какой форме она могла содействовать в Крыму Пушкину: «...все дело могло состоять разве только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой».²⁹

²⁸ Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 62–63.

²⁹ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 220. Впервые: Грот Я. К. Первенцы Лицея и его предания // Складчина: Лит. сб., составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии. СПб., 1874. С. 373–374. Цитировано М. А. Цявловским (Указ. соч. С. 59) по кн.: Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., доп. СПб., 1899. С. 52–53.

Допущенные в несправедливом полемическом запале В. В. Набоковым грубые ошибки, обнаруживающие поверхностное скольжение по предмету, заставляют отнестись с осторожностью к его главному в этой части комментария выводу о знакомстве Пушкина с произведениями Байрона, отличающемся кардинально от того, что об этом говорили до него «русские комментаторы». На основании содержания и выходных данных томов первого издания А. Пишо и Э. де Салля он заключил, что «к 1820 г. нетерпеливые (eager) русские читатели уже могли получить» его четыре начальных тома и что соответственно «в этих-то прозаических переложениях, жалких и искаженных подобию оригиналов, Пушкин впервые и прочитал (возможно по дороге из Петербурга в Пятигорск, и уж наверняка в Пятигорске, летом 1820 г., вместе с братьями Раевскими <...>) “Корсара”, “Манфреда” и первые две песни “Паломничества Чайльд Гарольда”». ³⁰ (В этих томах содержались также: «Лара», «Осада Коринфа», «Паризина», «Мазепа», «Абидосская невеста», «Тьма», некоторые стихотворения и приписывавшаяся Байрону повесть «Вампир» Д. У. Полидори. Почему эти произведения Набоков не назвал в числе прочитанных Пушкиным в то время, остается гадать). Имеющее в годе выхода томов (точных дат Набоков не знал) единственную опору, шаткую и слабую, коль скоро не доказано, что к моменту отъезда Пушкина в ссылку они дошли до Петербурга, это рискованное предположение (именно так следует квалифицировать вывод Набокова, несмотря на его не допускающий возражений тон) не лишено, тем не менее, правдоподобия (указанные тома вышли 11 сентября (30 августа) и 30 (18) октября 1819 г., а книги приходили тогда в Россию из-за границы иногда очень быстро) и заслуживает внимательного рассмотрения, особенно же поскольку оно не согласуется ни с одним из находящихся в научном обороте прямых свидетельств.

Проверки требует и недавнее утверждение В. Н. Топорова, согласно которому уже осенью 1819 г. Пушкин читал Байрона в французских переводах, а летом 1820 г. «на Кавказе и осо-

³⁰ *Pushkin A. S. Eugene Onegin... with a commentary, by V. Nabokov. Vol. 2. P. 159; Набоков В. В. Комментарий... С. 182.*

бенно в Гурзуфе», кроме занятий с Н. Н. Раевским английским языком по сочинениям Байрона, «впервые знакомится с произведениями английского поэта по двухтомному изданию “Choix de poésies de Byron, Walter Scott et Moore” (Genève; Paris, 1820)». ³¹ Нельзя также обойти вниманием сделанные в последнее время смелые заявления о том, что еще до приезда в Кишинев Пушкин прочел две первые песни «Дон-Жуана». ³²

В 1819 г., когда ближайшие друзья и знакомые Пушкина, по словам А. И. Тургенева, «все лето», а на самом деле, судя по записям в дневнике И. И. Козлова, весь год, «бредили», «питались» и «нагревались» Байроном, ³³ никаких следов обращения в читательской среде Петербурга французских переводов еще не обнаруживается. Читал новомодного английского поэта, обменивался книгами и впечатлениями очень узкий круг владевших английским языком и располагавших подлинниками, которые к ним попадали разными путями (Жуковскому, например, прислал из Лондона Д. Н. Блудов последнюю новинку, поэму «Мазепа»; Тургенев приобрел незадолго до 17 октября «полное издание в семи томах» ³⁴). По французским пе-

³¹ *Топоров В. Н. Пушкин и Гольдсмит в контексте русской Goldsmithiana’ы: (к постановке вопроса). Wien, 1992. С. 208-209.*

³² *Кулешов В. И. «Евгений Онегин» Пушкина и «Дон-Жуан» Байрона // Русская словесность. 1996. № 3. С. 28-29; Гаррард Дж. Сравнительный анализ героинь «Дон-Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина // Вопросы литературы. 1996. № 6. Ноябрь-декабрь. С. 158. В. С. Баевский сослался в своей статье «Присутствие Байрона в “Евгении Онегине”» (Изв. Акад. наук. Сер. лит. и яз. 1996. Т. 55. № 6. С. 14) на две свои другие работы, имеющие непосредственный интерес для обсуждаемых в данных «Заметках» вопросов: 1) Когда Пушкин познакомился с поэзией Байрона // *Miscellanea philologica*. СПб., 1990; 2) Когда Батюшков познакомился с поэзией Байрона // *Историко-культурные связи русской и зарубежной культуры*. Смоленск, 1992. К сожалению, в петербургских библиотеках указанные сборники отсутствуют; библиографически не удалось подтвердить их существование.*

³³ Остасьевский архив. Т. 1. С. 334. Все сведения из переписки П. А. Вяземского и А. И. Тургенева и из дневника И. И. Козлова собраны в указанной статье М. А. Цявловского (с. 55-58).

³⁴ По предположению В. Э. Вацура (Указ. соч. С. 154), это было семитомное издание, напечатанное в Брюсселе в 1819 г. Однако могло быть и собрание сочинений, издававшееся в Лондоне Джоном Мерреем (Murray) в 1815-1820 гг.; в 1819 г. как раз вышел его седьмой том. См.: *A Bibliography of Successive Editions and Translations of Lord Byron’s Poetical Works // Byron G.*

реводам, а более пересказам, в женевском журнале «Всеобщая библиотека» («Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts», 1816–1829, série Littérature) познакомился с Байроном осенью в Польше П. А. Вяземский, которого в него «влюбил» польский поэт Францишек Моравский (Morawski, 1783–1861). Цитаты и переводы в письмах Вяземского приведены из т. 9 (1818) и т. 11 (1819), содержащих отрывки из 4-ой, 1-ой и 2-ой песен «Паломничества Чайльд-Гарольда». Вероятно, имел он и предшествующие тт. 5, 6 (1817) и 7 (1818), где публиковались переводы отрывков из 3-ей песни «Чайльд-Гарольда», «Шильонского узника», «Корсара», «Лары», «Гяура» и полностью «Жалобы Тасса» и «Осады Коринфа».³⁵ Устно Моравский переводил ему с английского языка какие-то стихотворения и даже, наверное, большие произведения;³⁶ при таком посредничестве, может быть, Вяземский перевел стихами «Португальскую песню»³⁷ («From the Portuguese»), французского перевода которой еще, кажется, не существовало.

В России «Всеобщая библиотека» была хорошо известна, как и ее предшественница — «Британская библиотека» («Bibliothèque britannique», Genève, 1796–1815). Заимствованные из этих периодических изданий статьи, заметки, отрывки или пересказы художественных произведений печатались время от времени в разных русских журналах; однако судить о масштабе циркуляции «Всеобщей библиотеки» хотя бы в обеих столицах пока нет возможности за отсутствием специального исследования на эту тему и потому также, что кропотли-

The Works...: Poetry. A new, rev. and enl. ed. / Ed. by E. H. Coleridge. London; New York, 1904. Vol. 7. P. 94, 97; The British Library General Catalogue of Printed Books to 1975. London, 1980. Vol. 49. P. 472.

³⁵ См.: *Estève E.* Op. cit. P. 530.

³⁶ «Он (Моравский. — В. Р.) меня влюбил в Байрона и читал его мне», — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу 25 октября 1819 г. (Остафьевский архив. Т. 1. С. 336); а 1 ноября просил прислать ему выполненный И. И. Козловым французский перевод «Абидосской невесты», что ему еще 22 октября обещал Тургенев: «В “Bibliothèque universelle” нет этой пиесы, а мой толмач уехал» (Там же. С. 335–336, 343). Именно последняя фраза позволяет заключить, что Вяземский держал в руках все тома «Bibliothèque universelle», в которых печатались переводы и пересказы поэм Байрона.

³⁷ Сын отечества. 1820. Ч. 60. № 12. 20 марта. С. 268.

вая фронтальная работа по установлению источников переводных материалов в русской периодике пушкинской поры еще ожидает своих энтузиастов. Во всяком случае, в 1819–1820 гг. на поверхности не обнаруживается следов широкого обращения «Всеобщей библиотеки» в русской читательской среде. Выявленные переводы из нее в русской периодике этих лет немногочисленны: в 1818 г. две статьи появились в «Вестнике Европы» («Взгляд на нынешнее состояние немецкой словесности»³⁸ и «Обозрение нынешнего состояния английской словесности»³⁹), причем к их заглавиям редактор сделал примечания («Из *Bibliothèque universelle*, издаваемого в Женеве журнала», «Извлеч. из *Bibliothèque universelle*, журнала издаваемого в Женеве»), из которых видно, что он сомневался в большой известности журнала в России; в 1818 и 1819 гг. по одной статье напечатал «Сын отечества»;⁴⁰ дважды в 1820 г. обращались к швейцарскому журналу сотрудники «Соревнователя просвещения и благотворения»;⁴¹ три раза в 1818 г. и два в 1820 г. — «Журнал Императорского Человеколюбивого общества»; по одному разу в 1816, 1817 и 1820 г. — «Дух журналов».⁴² Эта картина, разумеется, не полная, и на ее основании преждевременно делать решительные выводы; но она может оказаться и репрезентативной в том, что касается ведущих литературных журналов. Как бы то ни было, но примечательно, что в указанные годы «Всеобщая библиотека» не стала источником русских переводов из Байрона.

³⁸ Вестник Европы. 1818. Ч. 97. № 2. Янв. С. 90–109; № 3. Февр. С. 211–219.

³⁹ Там же. Ч. 99. № 9. Май. С. 33–52.

⁴⁰ Огнедышущая гора: [Изложение статьи из «Bibliothèque universelle». 1817. Июль] // Сын отечества. 1818. Ч. 43. № 4. 25 января. С. 166–168; Распространение христианской веры: Остров Отагейте: Из Bibl. Univ. / Пер. Павел Г[воздев] // Сын отечества. 1819. Ч. 55. № 27. С. 27–33.

⁴¹ О счастии: Отрывок из сочинения Мисс Бодлер / Пер. Б. Федоров // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 11. Кн. 8. С. 161–177; Арабская антология или Выбор произведений арабской поэзии... / [Пер.] Д. Сахаров // Там же. Кн. 9. С. 360–369.

⁴² Сведения о публикациях в этих журналах см.: Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825). СПб., 2000. Т. 2. № 17240, 17418, 17790, 21407, 21499, 21508, 21732, 21743. Журнал «Благонамеренный» напечатал в 1819 г. (Ч. 5. № 5. С. 324) пересказ заметки из «Bibliothèque universelle».

С другой стороны, имя Байрона и место, занятое им в английской поэзии, не были неизвестны русским редакторам, а от них и широкому кругу читателей.

Известия о появлении в Англии нового яркого поэта начали проникать в Россию вскоре после выхода I–II песней «Паломничества Чайльд-Гарольда» и трех «восточных» поэм («Гяура», «Абидосской невесты», «Корсара»). Уже 20 декабря 1814 г. С. С. Уваров писал В. А. Жуковскому, что «поэтов теперь у англичан <...> только два: Walter Scott и Lord Byron. Последний превышает, может быть, первого». ⁴³ В следующем же месяце журнал «Российский музеум» напечатал заметку, в которой «лорд Бирон» был назван «одним из нынешних славных поэтов английских», перечислены его знаменитые поэмы, дана краткая характеристика их художественных достоинств и приведены выдержки из «Корсара» в подлиннике с параллельным прозаическим переводом. ⁴⁴

Очень подробные сведения о Байроне с краткими оценками его произведений сообщал в 1816–1817 гг. В. И. Козлов в своих обзорах новейшей английской литературы. Его заметки о жизненных перипетиях и творчестве английского поэта воспроизводят последовательность разновременного попадавших в его поле зрения материалов иностранной прессы и потому не образуют связного изложения. Первая начиналась словами: «Счастливейшим из соперников Вальтера Скотта есть молодой лорд Байрон, которого стихотворения с жадностью читаются публикою. Почти все напечатаны 5-м, а некоторые и 6-м изданием. Юный любимец Муз с одинаковым успехом трудится во многих родах». Далее говорилось, что «поэмы “Корсар”, “Лара” и проч. утвердили его славу», затем упоминались сатира «Шотландские пересмотрщики» (т.е. «Английские барды и шотландские обозреватели») и «Еврейские песни», которые «приняты были публикою с должным вниманием и положены на музыку двумя искусными компонистами иудейской нации, Брагамом и Натаном». ⁴⁵ Следующая заметка, напечатанная

через несколько месяцев, подтвердила, что «место любимейшего британского стихотворца все еще занимает лорд Байрон», известив также, что «книгопродавец Муррей напечатал недавно в 4 частях полное и прекрасное издание его сочинений». Далее рассказывается о неудачном браке поэта, его разрыве с женою, тщетностью попыток примирения и его приготовлениях к отъезду на континент. Вина за происшедшее возлагается целиком на Байрона, и его семейная трагедия объясняется «господствующим в нем духом мрачности». В этом отчетливо слышны отзвуки травли, организованной против него европейской прессой. Собственного взгляда В. И. Козлов не мог иметь, так как полностью зависел от своих источников и самих произведений писателя, о котором вел речь, не читал. Относительно их, повторяя опять чужие мысли, он выразил сожаление, что «Байрон избирает героями поэм своих по большей части злодеев и безумцев; что расточает похвалы Наполеону, Мюрату и достойным их сподвижникам и что объявляет себя почитателем французских нравов и правил». Отмечено в заметке и участие Байрона в «злословной газете» Лейге-Гунта (т.е. Ли Гента, Ли Ханта — Leigh Hunt) «The Examiner». ⁴⁶ Эти сведения были вскоре дополнены «еще некоторыми подробностями», составившими краткий очерк творчества Байрона. Здесь рассказано о его первом сборнике «Часы праздности», в котором стихотворения «были вообще весьма посредственны», о резкой критике на него в «Эдинбургском пересмотре» (т.е. «Эдинбургском обозрении») и ответной «остроумной, сильной и колкой сатире под названием “Английские барды и шотландские пересмотрщики”», где «сатирические стрелы <...> касаются не одних только шотландских рецензентов, но и всех английских стихотворцев и критиков». Далее говорится о путешествии Байрона по югу Европы и Малой Азии и о большом успехе сочиненной «дорогою» поэмы «Childe Harold», которая «писана стансами в роде Спенсеровых и имеет великие питические красоты». Названы все поэмы (выделена популярность «Корсара», напечатанного «13-ю тиснениями в Англии и 4-мя в Америке»), сборник «Еврейские песни», «Ода к Буона-

⁴³ Русский архив. 1871. № 2. С. 0163.

⁴⁴ Морской разбойник, в трех песнях, сочинение Лорда Бирона (The Corsaire, a tale. Лондон, 1814) // Российский музеум. 1815. Янв. С. 37–42.

⁴⁵ Русский инвалид. 1816. 15 марта. № 62. С. 259.

⁴⁶ Русский инвалид. 1816. 28 июля. № 174. С. 682; 30 июля. № 176. С. 689.

парте» и «колкая сатира под заглавием “The Curse of Minerva”» («Проклятие Минервы»). Отмечена и парламентская деятельность Байрона, и в завершение сообщается, что «отъезд его из Англии, о коем упоминали мы выше, действительно уже последовал и он выдал по сему случаю пиитическое прощание с отечеством (Farewell to England)». ⁴⁷ И в дальнейшем В. И. Козлов продолжал следить за текущей информацией о Байроне, отражая ее в своих обзорах (например, о выходе третьей песни «Чайльд Гарольда» и «Шильонского узника», о спорах относительно подлинности некоторых изданных под именем Байрона сочинений, и пр.). ⁴⁸ Таким образом, любознательные читатели располагали возможностью быть хорошо осведомленными об английском поэте; но от его произведений они были отгорожены незнанием английского языка и отсутствием французских переводов, так что все, что они узнавали, могло быть лишь принято во внимание — и не более того — как факты интересной, но чужой и недоступной более близкому знакомству литературной жизни. Даже те, кто знали английский язык, начали читать Байрона только двумя годами позже. Не удивительно поэтому, что после того, как В. И. Козлов перестал публиковать свои обзоры, сообщения о Байроне в русской печати стали на несколько лет заметно скуднее по содержанию и по частоте появления.

О нем бегло говорил «Вестник Европы» в упоминавшемся выше «Обзрении нынешнего состояния английской словесности»; автор статьи в «Bibliothèque universelle», сам еще не читавший произведений автора, о котором вел речь, цитировал отзыв «одного неизвестного писателя», состоявший в нескольких строках. ⁴⁹ В апреле 1819 г. в рубрике «Краткие выписки, известия и замечания» появилось сообщение о том, что «славный поэт английский лорд Байрон (Вугон)» переплыл Геллеспонт; ⁵⁰ но тон и построение заметки говорят о том, что внима-

⁴⁷ Русский инвалид. 1816. 8 августа. № 183. С. 719; 11 августа. № 186. С. 731–732.

⁴⁸ Русский инвалид. 1817. 3 марта. № 52. С. 212; 10 марта. № 58. С. 236

⁴⁹ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 9. Май. С. 41–42

⁵⁰ Вестник Европы. 1819. Ч. 104. № 8. Апр. С. 322–323

ние привлекалось к событию, а не к герою, уточнение же в скобках понадобилось потому, что встречать эту фамилию читателям не стало еще привычным. Менее чем полгода спустя журнал известил в той же рубрике о выходе летом поэмы «Мазепа» и подробно изложил содержание этого нового сочинения «лорда Байрона, любимого поэта английского». ⁵¹ В самом начале 1820 г. свою осведомленность проявил редактор «Благонамеренного», сообщив об успехе в Лондоне написанного Вальтер – Скоттом жизнеописания «славного англинского стихотворца лорда Байрона». ⁵²

Следующий «байроновский» эпизод имел место весной 1820 г., когда «Русский инвалид» напечатал «основательную и беспристрастную характеристику славного английского стихотворца лорда Байрона», переведенную из немецкой газеты, которая в свою очередь взяла ее из редактировавшегося Ф. - Р де Шатобрианом французского ультра-роялистского журнала «Консерватор», где видный публицист и страстный поборник христианской веры Антуан-Эжен Женуд (1792–1849) противопоставил «сторонника доктрины зла» Байрона Ламартину — поэту, «черпающему вдохновение в религии, подлинном источнике света и жизни». Признавая Байрона «истинным поэтом», он уподобил его гений «блеску зловердного метеора», а талант находил «бурным и мрачным». По его мнению, «Байрон талантом своим обольщает душу, но не успокаивает и не убеждает ее», «самое преступление изображает он страстию и как бы необходимою потребностью великих душ». Пасаж, посвященный английскому поэту, и соответственно русская заметка кончались словами: «На каждом сочинении лорда Байрона можно надписать, вместо эпиграфа: *Lasciate ogni speranza*. (Забудьте, что есть надежда). Лукреций описал в стихах систему атеизма. Можно сказать, что лорд Байрон переложил в стихи душу атеиста». ⁵³ Гневной отповедью откликнулся

⁵¹ Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 17. Сент. С. 69–70.

⁵² Благонамеренный. 1820. Ч. 9. Янв. № 1. С. 62.

⁵³ *Genoude A -E* Sur les «Méditations poétiques», de M. de la Martine // *Le Conservateur*. 1820. T. 6. Liv. 76. P. 509–510; Русский инвалид. 1820. 20 апреля. № 92. С. 368. В конце отдела «Смесь», где помещена эта заметка, указано: «Из Берл<инских> и Гамб<ургских> Ведом<остей>».

на эту публикацию Д. П. Рунич; впрочем, его письмо редакторам «Русского инвалида» было предано гласности лишь в самом конце века⁵⁴ и для современников, за исключением, конечно, адресатов, осталось, по-видимому, неизвестным. Мракобес-ретроград страстно обличал уже одно лишь признание «гения» Байрона, даже при том, что французский критик выставил его «мрачную и свирепую душу и изуродованный самолюбием разум, воспламененные и освещенные адским огнем».

Из «Русского инвалида» эта заметка была сразу перепечатана официальными газетами обеих столиц.⁵⁵ В самом факте заимствования этого материала не было ничего экстраординарного; подобный обмен между тремя газетами был в то время обычной и очень частой практикой. Однако то, что в потоке самых разнообразных сообщений немецкой газеты редактор «Русского инвалида» выделил как заслуживающую быть доведенной до русского читателя именно заметку о Байроне и как раз подобного содержания, а обе «Ведомости» поддержали этот выбор, говорит о уже существовавшей в официальных и консервативных кругах боязни пробуждения интереса в России к поэту, в чьих творениях можно было найти, как писал французский критик, «одни только блуждающие огни, мерцающие над глубокою пропастью». Несомненно, трижды повторенная публикация имела целью поставить духовный заслон на пути к Байрону, предупредить и минимизировать грозящее соотечественникам «обольщение»; но она же, создавая образ сильной, исключительной, гениальной творческой личности, придавала ему обаяние, которым в литературе обладают мощные отрицательные характеры, — и эту опасность хорошо чувствовал Рунич. «Что подумать, — писал он, — когда ядовитые мечты распространителя вельзевуловой логики, хотя и признаются пагубными, со всем тем уважаются как *изящное произведение*, а творец их называется *истинным поэтом*. О чем кто не

⁵⁴ Рунич Д. П. Письмо к издателям «Русского инвалида», 23 апреля 1820 // Русская старина. 1896. Т. 88. Окт. С. 135-138.

⁵⁵ Санктпетербургские ведомости. 1820. 23 апреля. № 33. С. 393 (хотя редактор воспользовался уже напечатанным переводом, ему была известна и французская, либо немецкая публикация, либо даже обе); Московские ведомости. 1820. 1 мая. № 35. С. 964.

слышит, того и знать не желает; любопытство прокладывает дорогу в сердце самому ужаснейшему богоотступству и злодеяниям. <...> Кого не увлекало любопытство?»⁵⁶

Если при таких оценках, которые не могли, казалось бы, не вызвать любопытства и желания познакомиться с произведениями «славного английского поэта», никакого отзвука не получили переводы во «Всеобщей библиотеке», то объяснений может быть два: или они до России не дошли (что маловероятно), или в них поэзия Байрона не произвела впечатления — и чтобы найти признание, ждала собрание А. Пишо и Э. де Саля. Восторженная оценка Байрона П. А. Вяземским на основе публикаций «Всеобщей библиотеки» была, очевидно, выражением индивидуального восприятия, при формировании которого непосредственное впечатление от французских текстов дополнялось, вполне вероятно, совместным чтением и беседами с Моравским, большим поклонником английского поэта.

Ни одна из перечисленных выше заметок не показывает прямого знакомства с сочинениями упоминаемого в них «любимого поэта английского»; сами лестные эпитеты, ставшие в русской печати постоянными,⁵⁷ выражали не собственное мнение редактора или сотрудника журнала, вынесенное от чтения произведений, а лишь их осведомленность о репутации Байрона, которая была им известна из вторых рук. Первый отклик в России на труды А. Пишо и Э. де Саля появился только в середине 1820 г. «Вестник Европы» напечатал в рубрике «Краткие

⁵⁶ Рунич Д. П. Указ. соч. С. 136.

⁵⁷ Одним из клише был эпитет «славный», фигурирующий в нескольких приведенных выше цитатах. Он употреблен и в обоих появившихся в русских журналах сообщениях о выходе в Лондоне приписывавшегося Байрону анонимного романа «Анастасий, или Записки современного грека, написанные в конце восемнадцатого столетия» ([Hope, Thomas, 1770?–1831]. Anastasius, or Memoirs of a modern Greek, written at the close of the eighteenth century. London, 1819. Vol. 1–3): «Лорд Бирон, славный английский писатель...» (Разные известия // Невский зритель. 1820. Ч. 2. Май. С. 195); «Некоторые критики приписывают сие сочинение славному лорду Бейрону...» (Краткие выписки, известия и замечания // Вестник Европы. 1820. Ч. 112. № 14. Июль. С. 155). «Знаменитым писателем» был назван Байрон, вместе с Вальтер Скоттом, в заметке о публикации в Лондоне сатирической поэмы «Модный тон», где оба они были задеты (Разные известия // Невский зритель. 1820. Ч. 4. Октябрь. С. 81).

выписки, известия и замечания» следующее сообщение: «В Париже вышло полное собрание сочинений лорда Байрона в переводе на французском языке. Французские критики отдают справедливость *оригинальному* таланту сего знаменитого писателя; но видят в нем также и весьма много странностей, много недостатков. В некоторых местах нельзя не удивляться силе и блеску его слова, равно как и редкой чувствительности сердца; зато уже сочинения Байрона со стороны плана и согласного расположения частей вообще весьма недостаточны. Впрочем такое суждение критиков относилось единственно к поэмам лорда; прозаические же его повести и романы приняты в Париже очень благосклонно, а особливо прекрасным полом». ⁵⁸ Фраза о «прозаических его повестях и романах» выдает, что само собрание сочинений Каченовский в руках не держал, а знал из французской прессы, что оно включает напечатанную несколько ранее в том же году под именем Байрона повесть «Вампир», ⁵⁹ и, не имея четкого представления о всем написанном к тому времени поэтом, решил, что у него есть и другие беллетристические произведения.

Двумя месяцами позже в той же рубрике «Вестника Европы» появилось известие о втором издании. На этот раз Каченовский показал более глубокую осведомленность о повести, но приобретенную все еще из вторичных источников, что видно из следующей его фразы: «В какой-то ужасной повести, несправедливо приписываемой лорду Байрону, некоторое чудовищное существо играет самую отвратительную роль...». Эта заметка писалась, как и первая, целиком по материалам французской периодической печати: « — Кстати о Байроне! Сочинения сего лорда чрезвычайно полюбились французской публике, и перевод их вышел уже вторым изданием в Париже, спустя несколько месяцев после первого. Нельзя не подивиться досужеству французов, которым даже и занимательность внутренних происшествий не мешает жертвовать временем англий-

⁵⁸ Вестник Европы. 1820. Ч. 111. № 11. Июнь. С. 238.

⁵⁹ См.: Вацуро В. Э. Ненастное лето в Женеве, или История одной мистификации // Бездна: «Я» на границе страха и абсурда. СПб., 1992. С. 36–63 (Арс Петербург: Российский журнал искусств. Тематический выпуск).

скому писателю, и вдобавок еще *романтическому*. “Но писатель, каков лорд Байрон, — сказано в одном французском журнале, — соединяет в себе все качества, имеющие право на внимание публики в такой стране, где оригинальный талант, воображение богатое и блестящее всегда найдут себе ревностных почитателей”». ⁶⁰

Через какое-то недолгое время Каченовский обладал, наконец, и самим собранием, из которого немедленно перевел и напечатал «Осаду Коринфа»; ⁶¹ за ней последовали, уже в 1821 г., в его же переводе «Мазепа», ⁶² «Калмар и Орла», ⁶³ «Джяур», ⁶⁴ «Абидосская невеста». ⁶⁵ Стихотворение «Смерть Калмара и Орлы» («The Death of Calmar and Orla») из первого поэтического сборника Байрона «Часы досуга» («Hours of Idleness», 1807) появилось во французском переводе во втором издании собрания сочинений, которым, следовательно, и пользовался Каченовский; выбранные им произведения содержались в первом и втором томах.

В Петербурге французское собрание обнаруживается раньше. О поступлении восьми томов первого издания книжный магазин В. Грефа объявил 25 июня, ⁶⁶ когда С. А. Раевская с дочерьми Екатериной и Еленой уже покинули Петербург ⁶⁷ и, следовательно, не могли привезти их с собою в Гурзуф (в Киеве, где они сделали остановку, этих книг в продаже не могло еще быть, потому что местная книжная лавка «пополнялась», как сообщалось, ⁶⁸ «из обеих столиц»). Через месяц с лишним те же восемь томов рекламировал другой петербургский тор-

⁶⁰ Вестник Европы. 1820. Ч. 112. № 16. Авг. С. 310–312.

⁶¹ Там же. Ч. 113. № 20. Окт. С. 241–262; № 21. Ноябрь. С. 3–23.

⁶² Там же. 1821. Ч. 116. № 1. Янв. С. 3–52.

⁶³ Там же. Ч. 117. № 5. Март. С. 3–12.

⁶⁴ Там же. Ч. 119. № 15. Авг. С. 165–179; № 16. Авг. С. 249–269; Ч. 120. № 17. Сент. С. 3–20.

⁶⁵ Там же. Ч. 120. № 18. Сент. С. 81–105; № 19. Окт. С. 161–179; № 20. Окт. С. 241–258.

⁶⁶ Санктпетербургские ведомости. 1820. 25 июня. № 51. Первое приб. С. 629.

⁶⁷ Письмо А. Н. Раевского от 9 июня с Кавказа к сестре Екатерине было отправлено, как предполагается, в Киев. См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 190.

⁶⁸ Московские ведомости. 1820. 13 октября. № 82. С. 2239.

говец иностранными книгами К. Вейгер (Weyher).⁶⁹ В пятом и шестом французских каталогах Грефа, отражавших ассортимент на сентябрь 1820 и февраль 1821 гг., значатся соответственно восемь томов первого издания и три тома второго.⁷⁰ На следующий же день, после того как шестой каталог получил цензурное разрешение, было вторично объявлено в газетах первое издание.⁷¹ На 17 сентября 1821 г. в продаже имелся четвертый том второго издания.⁷² Спрос возрастал, и в очередном, восьмом, каталоге Греф показывал наличие томов первого издания, восьми томов — третьего и второго тома — четвертого.⁷³ Тем не менее напечатанный в сентябре 1821 г. перевод «Шильонского узника» следовал точно «Всеобщей библиотеке»,⁷⁴ а первый в столичной печати перевод, восходящий к собранию А. Пишо и Э. де Салья, увидел свет лишь в январе 1822 г.⁷⁵

⁶⁹ Санктпетербургские ведомости. 1820. 6 августа. № 63. Первое приб. С. 773.

⁷⁰ Cinquième Catalogue des livres français qui se trouvent dans la Librairie de W. Graeff... St. Pétersbourg, 1821. P. 45 (цензурное разрешение 6 сентября 1820 г.; в газете объявлен: Санктпетербургские ведомости. 1820. 19 ноября. № 93. Первое приб. С. 1131); Sixième Catalogue... 1821. P. 26 (цензурное разрешение 7 февраля 1821 г.).

⁷¹ Санктпетербургские ведомости. 1821. 8 февраля. № 11. Первое приб. С. 129.

⁷² Septième Catalogue ... 1822. P. 30. Цензурное разрешение: 17 сентября 1821 г.

⁷³ Huitième Catalogue... 1823. P. 28. Цензурное разрешение 25 июля 1822 г.

⁷⁴ Отрывок из поэмы «Шиллонский узник» / Лорда Байрона; С фран. Н. Ф. // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. Ч. 15. Кн. 3. С. 299–310. Неясно, имел ли переводчик в своем распоряжении сам журнал или пользовался перепечаткой: *Le Prisonnier de Chillon // Choix de poésies de Byron, Walter Scott et Moore: Traduction libre, par l'un des Rédacteurs de la Bibliothèque universelle. Genève; Paris, 1820. T. 1. P. 267-278.*

⁷⁵ Мрак: (Из сочинений лорда Байрона) / [Пер.] О. Сомов // Благонамеренный. 1822. Ч. 17. № 3. С. 122-126. Ранее он же напечатал перевод: К Мире: (Отрывок из поэмы «Ирнер», соч. лорда Байрона) / [Пер.] О. Сомов // Благонамеренный. 1821. Ч. 15. № 16. Авг. [вышло 30 сентября]. С. 211-212. У Байрона такой поэмы нет; произведение с таким заглавием издал под его именем Э. де Саль (*Irner / Par lord Byron, trad. de l'anglais et publ. par le traducteur des Œuvres complètes de lord Byron. Paris, 1821. 2 vol.*), что послужило причиной разрыва сотрудничества с А. Пишо, который в дальнейшем один продолжал издавать собрание. (См.: *Estève E. Op. cit. P. 527-528*). Объявление о выходе: *BdF. 1821. 23 février. № 8. P. 113 (№ 790).*

Итак, Набоков не был неправ, утверждая, что «к 1820 г. нетерпеливые русские читатели уже могли получить четыре начальных тома первого издания (1819) сочинений Байрона, переводы которых выполнили Пишо и Саль». Возможность, действительно, существовала; но не было, кажется, еще этих самых «нетерпеливых читателей», жаждавших как можно скорее прочесть «романтического» поэта в французских прозаических переводах. Круг его русских ценителей был очень узок, почти все они были из окружения Пушкина, все (кроме Вяземского, находившегося в отдалении, в особых литературных условиях) знали английский язык и не нуждались в французских переводах-посредниках;⁷⁶ спешить их выписать из Парижа у них надобности явно не было, хотя если бы таковые попали в их поле зрения, они, вероятно, не преминули бы с ними внимательно познакомиться. Для других же русских читателей имя Байрона было уже не непривычным для слуха, но все еще пустым звуком, и должно было пройти какое-то время, прежде чем отклики в французской печати на выход собрания сочинений вызовут их интерес к этой литературной новинке и заставят, наконец, поспешить ее приобрести. С русскими читателями должно было произойти то, о чем применительно к Пушкину писал Б. В. Томашевский: «...самое обращение его к тому или иному факту иноязычной литературы подсказано было интересом к этому факту, возникшим во французской среде. Франция не просто передавала Пушкину те или иные

⁷⁶ Некто скрывшийся под криптонимом «К. П. Б.», читавший Байрона в подлиннике, перевел из «*Revue encyclopédique*» статью о Байроне и снабдил ее собственным пространственным примечанием, в котором, отметив «какое-то непростительное недоброхотство французского рецензента к английскому поэту», высказал пожелание, чтобы «особы, одаренные разборчивым вкусом и знакомые со всеми тонкостями и красами английского языка, приняли на себя труд познакомить русских литераторов с одним из счастливейших любимцев Муз» (О сочинениях лорда Байрона: [Из *Revue encyclopédique*] / [Пер. с фр.] К. П. Б. // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 10. С. 101). О том, что для этой цели русские литераторы могли бы воспользоваться французскими переводами, у него не возникает мысли. Это пожелание он подкрепил собственным переводом: Прощание: (Из сочинений лорда Байрона) / С англ. К. П. Б. // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 11. С. 197–200.

ценности, — она его заражала интересом к этим ценностям, она возбуждала в нем внимание к ним». ⁷⁷ Процесс «заражения» русской читающей публики интересом к Байрону начался, когда Пушкин был уже на юге, а уезжая в ссылку, он не вез с собою и не читал в дороге томов с переводами А. Пишо и Э. де Саля: в Россию, судя по всем прямым и косвенным признакам, они еще не поступили.

Не было, по всей видимости, этих томов и у Раевских, с которыми Пушкин уехал из Екатеринослава и жил на Кавказе и в Крыму. В этой семье дочери и сын Николай Николаевич знали английский язык, и в отсутствие у книгопродавцев французского собрания сочинений они, как и те, о ком шла речь выше, вряд ли заботились о его приобретении другими путями, поскольку Байрон у них имелся в подлиннике. Это следует из воспоминаний М. Н. Волконской, рассказавшей П. И. Бартеневу в 1856 г., что ее сестра Елена Николаевна, которая «отлично знала по-английски», в Гурзуфе «переводила из Байрона и В. Скотта на французский язык; но втихомолку рвала свои переводы и бросала. Брат рассказал о том Пушкину, который под окном подбирал клочки бумаг и обнаружил тайну. Он восхищался этими переводами, уверял, что они необыкновенно близки». ⁷⁸ Если бы у нее были под рукою печатные французские переводы, то зачем бы ей было предаваться этим занятиям? Можно, конечно, предположить, что выбирала она для своих упражнений произведения, переводы которых находились в отсутствующих у семьи томах или же которые вообще не были еще переведены на французский язык; однако, не лишнее в абстрактном рассмотрении правдоподобия, это возражение утрачивает его на фоне общей картины распространения в России собрания А. Пишо и Э. де Саля. К сожалению, не известно, какое издание сочинений Байрона имели при себе Раевские в Крыму. Слова П. В. Анненкова: «Книга, которую они выбрали для практических упражнений, была — “Сочинения Байрона”», ⁷⁹ — нельзя понимать буквально: однотомных

«Сочинений» (Works) Байрона тогда еще не существовало, так что у Пушкина и Раевского был или какой-нибудь отдельный том, или несколько томов одного из вышедших к тому времени под этим заглавием собраний сочинений, или — что также нельзя исключать — произведения, вышедшие отдельными книжками. Впечатляющую картину того, как, «отправляясь вместе с ссыльным Пушкиным в путешествие по югу России, на Кавказ и в Крым, Раевские, видимо, изрядно запаслись Байроном», нарисовал В. И. Кулешов: по его словам, «в их распоряжении была и лондонская брошюра с двумя первыми песнями <“Дон-Жуана”> , и французские ее переводы, и отклик на поэму в “Revue <encyclopédique”». 1819. Т. 3». ⁸⁰ Это утверждение ничем не обосновано и, по всей видимости, является плодом чистого, не имеющего никакой фактической опоры домысла, к которому автор прибег с целью подтвердить выдвигаемое им положение, согласно которому в Гурзуфе Пушкин с Н. Н. Раевским прочли в подлиннике две первые песни «Дон-Жуана» (о чем — ниже).

Не располагал Пушкин на юге и двумя томами «Choix de poésies de Byron, Walter Scott et Moore»: это издание было в Париже объявлено продажей 22 (10) июля 1820 г. ⁸¹

После всего сказанного можно, кажется, считать установленным с большой степенью уверенности, что до самого дня отъезда из Крыма в Кишинев Пушкину не доводилось читать французские переводы сочинений Байрона; но и потом они далеко не сразу по прибытии в Кишинев попали ему в руки, чему существует один до сих пор не замеченный признак.

В черновой редакции «Кавказского пленника», называвшейся «Кавказ», описание праздничных увеселений горских юношей начиналось строками:

Бывало в светлый Рамазан
Сберутся юноши толпою
Игра сменяется игрою...

(ПД 830, л. 27 об.; Акад. IV, 314).

⁷⁷ Томашевский Б. В. Указ. соч. С. 63.

⁷⁸ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 219.

⁷⁹ Анненков П. В. Указ. соч. С. 151.

⁸⁰ Кулешов В. И. Указ. соч. С. 29. Уточнения в угловых скобках мои. — В. Р.

⁸¹ BdF. 1820. 22 Juillet. № 30. P. 404 (№ 2712).

Здесь допущена ошибка: рамазан, девятый месяц мусульманского лунного календаря, — это месяц поста, когда любые развлечения запрещены; празднества начинаются с его окончанием, в полночь, продолжаются три дня и называются ураза-байрам, который в 1820 г. пришелся на 30 июня, 1 и 2 июля.⁸² В те дни Пушкин находился на Горячих водах и мог быть свидетелем игр, которые описал в поэме. Однако в названиях поста и праздника он не разобрался; не помогло ему их понять и пребывание в Симферополе во время другого байрама — праздника жертвоприношения курбан-байрам, приходившегося на 6-9 сентября. Страница рабочей тетради, на которой написаны цитированные строки, заполнялась в дни, близко предшествовавшие 10–12 октября⁸³ (либо даже, по датировке С. М. Бонди,⁸⁴ во второй половине октября). Ошибка была исправлена в первом беловом автографе:

Бывало в светлый Баиран
Сберутся юноши толпою —
Игра сменяется игрою...

(ПД 831, л. 9 об.; то же в основном
тексте: Акад. IV, 102).

Эти строки находятся в середине поэмы и, следовательно, были записаны ранее 23 февраля 1821 г. — даты, стоящей в конце автографа. Составляя примечания, уже после завершения работы над беловым текстом, Пушкин назвал источник, из которого узнал значения не понятых им ранее слов: «Баиран или Баирам (Л. <орд> Байрон)» (ПД 831, л. 19 об.; Акад. IV, 351). Форма «баиран», позволявшая Пушкину сохранить рифму, передает французское произношение слова «baïram», а по-

⁸² См.: Желтухина О. А. «Бывало в светлый Баиран...»: (Какой же праздник описал А. С. Пушкин?) // «Литература и религия»: Шестые Крымские Пушкинские международные чтения: Материалы. [Симферополь], 1996. С. 22–24. Здесь дата начала ураза-байрама приведена по новому стилю (12 июля), а пребывание Пушкина в Симферополе (7 сентября) — по старому.

⁸³ См. далее статью «Пушкин на подступах к поэме „Кавказ“ и в работе над нею», с. 146.

⁸⁴ См.: Селиванова С. Д. Над пушкинскими рукописями. М., 1980. С. 40

мета в скобках отсылает к изданию А. Пишо и Э. де Саля, где в примечаниях к «Гяуру» переводчик дополнил комментарий самого Байрона объяснением: «Le rhamazzan est le carême, et le baïram le carnaval des musulmans».⁸⁵ Работая над своими «замечаниями» к первому беловому автографу, Пушкин, видимо, не имел под рукою французского собрания и поэтому ограничился лишь указанием по памяти, куда следует обратиться за комментарием. Во втором беловом автографе, так называемой «Чегодаевской рукописи», датируемой июнем-декабром 1821 г.,⁸⁶ отсылка заменяется текстом: «Баиран и Бейрам праздник разговенья; музульманская масленица; Рамазан их пост» (ПД 46, л. 18; Акад. IV, 365). Не случайно здесь различаются вторые буквы и поставлен союз «и», а не «или»: Пушкин воспроизвел два написания, которые фигурировали в французском тексте поэмы — «le Veïram»⁸⁷ и (как в примечании) «la fête du Vaïram».⁸⁸ На этой стадии он, по-видимому, еще не знал, какое из них следует предпочесть как более правильное. В печатном тексте дословно приведено по-русски пояснение французского переводчика: «Баиран или Байрам, праздник разговенья. Рамазан, музульманский пост» (Акад. IV, 117).

Таким образом, французское собрание сочинений дошло до Пушкина — либо комплектом, т. е. все вышедшие к тому времени тома одного издания (восемь первого или три второго), либо в разрозненном, неполном виде — между серединой октября 1820 и февралем 1821 г., что согласуется с выводами относительно его появления в столицах. К английским же текстам у Пушкина была возможность обращаться много ранее. Неизвестно, имел ли их при себе Н. Н. Раевский, отправляясь с отцом и двумя младшими сестрами из Киева на Кавказские минеральные воды; но старшие сестры, приехавшие с матерью в Гурзуф, привезли их с собою, как явствует из воспоминаний М. Н. Волконской. Впрочем, давно высказано мнение, что ее

⁸⁵ Byron G. Œuvres complètes... 2d éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes. Paris, 1820. Т. 2. P. 50.

⁸⁶ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 254.

⁸⁷ Byron G. Œuvres complètes... 2d éd. Т. 2. P. 14.

⁸⁸ Ibid. P. 20.

воспоминания «очень не надежны»,⁸⁹ и полагаться на них без проверки по другим сведениям, было бы неблагоразумно. В самом деле, настораживает, например, последняя фраза в приведенной из них цитате: как мог Пушкин, владея в лучшем случае лишь азами английского языка, судить о близости к оригиналам переводов Ел. Н. Раевской?

М. А. Цявловский имел все основания считать «преданием» указания П. И. Бартенева и П. В. Анненкова на то, что знакомство Пушкина с поэзией Байрона состоялось во время пребывания с Раевскими на Кавказе и в Крыму.⁹⁰ Ни тот, ни другой не назвал источника своих сведений; к тому же Анненков допустил неточности, которые отметила Ек. Н. Орлова. Тем не менее творческая связь между «Кавказским пленником» и «Корсаром», вряд ли подлежащая сомнению после исследования В. М. Жирмунского, является важным свидетельством в пользу справедливости «предания». Находит оно подтверждение и в некоторых других обстоятельствах.

Начиная писать поэму «Кавказ», Пушкин стал нумеровать неравнострочные фрагменты, из которых она, в типично байроновской манере, строилась, римскими цифрами и продолжал это делать до номера «VII», пропустив, впрочем, «V» (ПД 830, л. 10–11, 16; Акад. IV, 286–288, 296). Далее в черновом автографе он это перестал соблюдать, а в первом беловом первоначально обозначил границы между фрагментами слегка увеличенными межстрочными интервалами и абзацным отступом в первом стихе; однако, просматривая текст, когда он был полностью написан, вставил римские цифры на всем его протяжении от «I» до «XXXII» (ПД 831, л. 3–18). Этот прием, в конечном итоге Пушкиным отвергнутый (во втором беловом автографе и в печатном тексте нумерация отсутствует), был им перенят, несомненно, у Байрона,⁹¹ который использовал его в качестве одного из элементов своеобразной композиции романтической поэмы:

⁸⁹ *Бертъе-Делагард А. Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники. СПб., 1913. Вып. 17/18. С. 106.

⁹⁰ *Цявловский М. А.* Указ. соч. С. 59.

⁹¹ Подобный же прием использовал В. Скотт, но с его поэмами Пушкин еще не был знаком.

фрагменты нумерованы во всех его поэмах, кроме одного лишь «Гяура». Из этого вытекает, что в Гурзуфе, где проставлялись первые цифры в поэме «Кавказ», Пушкин был знаком по крайней мере с одним из произведений, в которых использован этот прием, — вероятнее всего с «Корсаром», если принять во внимание другие свидетельства, получающие, кстати, в этом наблюдении дополнительную поддержку.

Если вопрос о том, знаком ли Пушкин был, приступая к поэме «Кавказ», с подлинником «Корсара», можно считать решаемым положительно в не далеком, кажется, от окончательного приближении, то в отношении датировки его перевода с английского языка начальных стихов «Гяура» подобной определенности, судя по всему, достичь невозможно. Вся аргументация в пользу гурзуфского либо иного, более позднего происхождения этого наброска может опираться только на косвенные обстоятельства и признаки.

Рукопись, представляющая собою сложенную вдвое половину фабричного листа, не несет никаких признаков, по которым можно было бы достоверно установить последовательность и хронологию заполнения образовавшихся двух малых листов (или четырех страниц).⁹² Жандармская нумерация («6» и «17», меньшая цифра на пробельной странице) отражает лишь их положение в пачке с другими бумагами при составлении описи; архивная («1» и «2») — как поместил перед собою рукопись архивист, предпочтя, чтобы первой была не пустая, как у жандармов, страница, а заполненная текстом. Если, взяв чистый листок, Пушкин его положил сгибом влево, заполнение могло начаться и с перевода из «Гяура» (л. 1), и со стихотворения «Гречанка верная! не плачь...» (л. 2 об.; в обратном направлении по отношению к л. 1); если листок лежал развернутым и был согнут после первой записи, то ею мог быть любой из обоих набросков, относящихся к «Братьям разбойникам»: и «Не стая воронов слеталась...» (л. 2 об.; в прямом направлении по отношению к л. 1), и «Какая смесь

⁹² Описание рукописи см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Науч. описание / Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л., 1937. С. 22.

одежд и лиц...» (л. 1 об.); наконец, если допустить возможное, но маловероятное исходное положение листка сгибом вправо, то повторяется предшествующая ситуация. Таким образом, не исключается, что открывал эту рукопись именно перевод из «Гяура»; подобный сценарий правдоподобен и потому, что при нем положение листка наиболее, кажется, соответствует привычкам письма на отдельной половине фабричного листа.

Поскольку ни один из текстов, расположенных на четырех страницах рукописи, не имеет пометы о времени работы над ним, а сходство и различие оттенков чернил не может служить, по прошествии без малого двух столетий, достоверным показателем одновременности или разновременности написания, возникает необходимость прибегнуть к логической реконструкции генезиса и целей предпринятых Пушкиным и Раевским попыток перевода байроновской поэмы.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что оба перевода выполнялись с установкой на *дословную* передачу английского текста. Пушкин назвал свой «Traduction littérale», Раевский: «Fragment du Giaour mot à mot avec les tournures anglaises». Предполагались они, совершенно очевидно, промежуточной стадией, посредником для дальнейшего перевода уже на русский язык. Первоначальное осмысление сложного английского поэтического текста удобнее было, видимо, вести на французском языке, где легче давался подбор лексических и синтаксических эквивалентов и соответствий. По этой же, вполне вероятно, причине, И. И. Козлов, предпринявший свой первый перевод из Байрона, обладая только что приобретенными, еще не укрепившимися и не развившимися знаниями английского языка, переложил «Абидосскую невесту» на французский. Выбор последнего для первичного перевода мог диктоваться, по-видимому, как у него, так и у Пушкина и Раевского степенью разработанности двуязычных словарей: англо-русские могли оказаться мало пригодными для перевода насыщенных тропами, не понятных, по отзывам критики, самим англичанам байроновских стихов,⁹³ в то время как англо-

⁹³ «Должно сделать замечание на неясность сочинений лорда Байрона: их многие из англичан не понимают...». — О сочинениях лорда Байрона: [Из

французские могли лучше отвечать этой цели. Этот аспект проблемы нуждается в специальном исследовании.

Другим заслуживающим внимания обстоятельством является то, что каждый из друзей взял для перевода начальный фрагмент условной (т.е. самим автором не выделенной и не обозначенной) части поэмы, состоящей композиционно из вступления и трех повествований от разных лиц: рассказа рыбака, оказавшегося нечаянным свидетелем гибели Лейлы и мести героя, рассказа старого монаха о поселившемся в их монастыре незнакомце и исповеди гяура. Пушкин принялся переводить вступление, Раевский — с первых строк рассказа монаха. В подобном выборе можно подозревать некую координацию, предполагающую, кстати, знакомство хотя бы в общих чертах с полным содержанием поэмы. Однако, поскольку любой из фрагментов этой «турецкой повести» мог восприниматься и переводиться как самостоятельное лирическое стихотворение,⁹⁴ выбор одного мог быть самостоятельным, независимым, никак не связанным с тем, что задумывал другой, ничего не зная о замысле товарища. Тем не менее вряд ли было бы правильным отвергать решительно предположение о совместных действиях Пушкина и Раевского. Хотя и мало надежное, не имеющее никаких доказательств, оно в определенных условиях может стать более весомым. Если же эти опыты перевода «Гяура» были действительно координированы, то речь могла идти, например, о подстрочнике для Пушкина или даже о поэтическом состязании (по воспоминаниям сестры Раевского, Ек. Н. Орловой, он «страстно любил литературу, музыку, живопись и сам писал стихи»⁹⁵). В любом случае координация была бы вероятной при личном общении, т.е. на Кавказе и в Крыму; продолжение оно имело в Одессе в январе-феврале 1824 г.,⁹⁶ когда никакой мысли о переводе «Гяура» у Пушкина не могло возникнуть.

«Revue encyclopédique»] / [Пер. с фр.] К. П. Б. // Соревнователь просвещения и благотворения. 1820. Ч. 12. Кн. 10. С. 103.

⁹⁴ См.: Дьяконова Н. Я. Лирическая поэзия Байрона. М., 1975. С. 79.

⁹⁵ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 220.

⁹⁶ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 362.

Наконец, имеет смысл вопрос, решился ли бы Пушкин в 1821–1822 гг. предпринять сколь-либо пространный, пусть и дословный, перевод из «Гяура» в условиях, когда он не мог в затруднительных случаях (а таких можно было ожидать немало!) найти помощи у окружавших его людей, среди которых не было знавших английский язык, а текст в имевшемся у него французском собрании сочинений Байрона был для этой цели непригоден вследствие многочисленных отступлений от буквального смысла? На первый взгляд, ответ должен быть отрицательным, и тогда наиболее вероятными местами, где осуществлялся перевод, стали бы Кавказ и Крым. Однако действия поэта не обязательно подчинялись предполагаемой логике рациональной, продуманной работы с английским текстом. Даже зная, что непонятные слова, обороты и стихи ему никто не объяснит, он мог тем не менее попробовать испытать собственные силы в надежде преодолеть затруднения с помощью лишь словаря. Подобное решение могло быть импульсивным, и для этого существовал мощный внешний стимул — начавшееся в феврале 1821 г. восстание этеристов, вызвавшее в русском обществе всплеск филэллинистических настроений, проявившихся у Пушкина с огромною силою.⁹⁷ В этих условиях, когда из сочинений Байрона особую злободневность стала приобретать в России переведенная им знаменитая песня Константина

⁹⁷ См.: *Селинов В.* Пушкин и греческое восстание: (Опыт исторического комментария к филэллинистическим пьесам Пушкина) // Пушкин: Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2. С. 5–31; *Свирин Н.* Пушкин и греческое восстание // Знамя. 1935. № 11. С. 209–240; *Измайлов Н. В.* Поэма Пушкина о гетеристах: (Из эпических замыслов Кишиневского времени, 1821–1822) // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Т. 3. С. 339–348; *Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. 1 (1813–1824). С. 459–469; *Оганян Л. Н.* 1) К вопросу об отношении А. С. Пушкина к Гетерии // Труды Пушкинских конференций Кишинева и Одессы. Кишинев, 1958. С. 133–145; 2) А. С. Пушкин и поэты пушкинской поры о греческом национально-освободительном движении // Россия и Юго-восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 84–89; *Сливинский И.* Пушкин о греческом восстании и о некоторых участниках восстания в дунайских княжествах // *Études balkaniques*. Sofia, 1967. Т. 7. С. 235–248; *Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л., 1988. С. 255–263; *Трубецкой Б. А.* Пушкин в Молдавии: Монографическое исследование. 6-е изд., перераб. и доп. Кишинев, 1990. С. 167–176.

Ригаса «*Δεῦτε παῖδες τῶν Ἑλλήνων*» («Вставайте, сыны Эллады»),⁹⁸ не менее жгучую актуальность в сознании ссыльного поэта могло приобрести вступление к «Гяуру», посвященное растерявшей свою былую славу, дремлющей в рабстве и унижении под османским игмом Греции. Естественно возникает очень вероятное предположение, согласно которому попытка перевода была предпринята именно в этом контексте; оно подкрепляется соседством на одном листке рассматриваемого наброска со стихотворением «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем...».

Баланс приведенных аргументов таков, что не позволяет отнести уверенно пушкинский перевод из «Гяура» к времени пребывания поэта в Крыму, однако и не исключает этого категорически даже при наличии сильных аргументов в пользу 1821–1822 гг. Во всяком случае, он допускает расширить рамки датировки, отодвинув ее верхнюю границу на август 1820 г.

Первую песнь «Дон - Жуана», вместе со второю,⁹⁹ Пушкин прочел в промежутке между временем, когда до него стали доходить тома издания А. Пишо и Э. де Салля, и написанием послания Денису Давыдову «Недавно я в часы свободы...» (июнь 1821 г. — 1822 г. — Акад. II, 1121), где обнаруживается самый ранний след знакомства с нею в французском переводе.¹⁰⁰ Поз-

⁹⁸ В октябре 1820 г. появились в печати одновременно, в одном номере «Вестника Европы» (Ч. 120 № 20. С. 258–261), два русских перевода песни: «Военный гимн греков» Н.И.Гнедича и «Песнь греческих воинов», подписанная «Д.Σ.». По заявлению редактора, оба выполнены «с греческого языка» (с. 258), но не исключается, по крайней мере касательно Н. И. Гнедича, обращение к переводу Байрона. См.: *Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков*. В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста, сост., вступ. заметки и прим. С. А. Рейсера. Л., 1988. Т. 1. С. 572; *Мазья М. Г.* Два поэтических отклика на греческое восстание // *Русская литература*. 1996. № 2. С. 111. В статье М. Г. Мазьи ошибочно указано, что № 20 журнала вышел в марте (с. 109), и неправильно прочитан («ΔΕ», вместо «Δ.Σ.»), а, как следствие, неверно, видимо, расшифрован («Δευτε Ελλων» — сын Эллады) криптоним (с. 109–110). Во второй половине сентября 1821 П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу, что В. Л. Пушкин «теперь возит-ся с воззванием к грекам из Байрона и верно желает скорее войны, чтобы напечатать его» (Остафьевский архив. Т. 2. С. 213).

⁹⁹ См. выше, сн. 24 (т. 6), 25 (т. 2).

¹⁰⁰ См. далее заметку «Унижусь до презренной прозы...».

днее, в середине ноября 1825 г., Пушкин писал из Михайловского П. А. Вяземскому: «Что за чудо Д.<он> Ж.<уан>! я знаю только 5 перв.<ых> песен; прочитав первые 2, я сказал тотчас Раевскому, что это Chef - d'œuvre Байрона...» (Акад. XIII, 243). Комментаторы пушкинской переписки, ничтоже сумняшеся и не продумав всех подробностей, отождествили упоминаемого здесь Раевского с Николаем Николаевичем - младшим¹⁰¹ на том основании, что именно с его помощью начинал погружаться ссыльный поэт в Байрона. Поскольку общались друзья на юге с конца мая по начало сентября 1820 г., а затем расстались до января 1824 г.,¹⁰² то естественно напрашивается вывод относительно их совместного где-то в этот период чтения двух первых песней «Дон-Жуана»; и с ним выступили в недавнее время одновременно и независимо друг от друга русский и американский ученые. Один заявил, что «слова Пушкина о первых двух песнях “Дон - Жуана” как о шедевре скорее всего были сказаны в Гурзуфе, где поэт провел с путешественниками три недели»,¹⁰³ второй — что знакомство Пушкина с творчеством Байрона, состоявшееся «на пути в Молдавию» при посредстве «младших Раевских», включало, «в частности», «Дон - Жуана», т.е. две первые песни в подлиннике.¹⁰⁴ Не может, однако, не вызвать недоумения, почему, несмотря на всю свою логическую очевидность, этот вывод не был сформулирован в научной печати много ранее, а вырвался на ее страницы лишь в 1996 г. Дело было, нужно думать, в осторожности пушкинистов старого поколения, которые, по всем признакам, сомневались в правильности определения лица, названного в письме Раевским. Не случайно, конечно, в указателях к «боль-

¹⁰¹ Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 501; Переписка А.С.Пушкина: В 2 т. / Вступ. ст. И. Б. Мушиной; Сост. и коммент. В. Э. Вацура и др. М., 1982. Т. 1. С. 238; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. / Под общей ред. Д. Д. Благого и др. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 9 / Примеч. И. Семенко. С. 458 (повторено: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 9 / Примеч. И. Семенко. С. 428).

¹⁰² Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1988. С. 362; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 186–201, 362.

¹⁰³ Кулешов В. И. Указ. соч. С. 29.

¹⁰⁴ Гаррард Дж. Указ. соч. С. 158.

шому» академическому «Полному собранию сочинений» А. С. Пушкина страница, на которой находится приведенная выше цитата с этим именем, не соотнесена ни с одним из мужчин Раевских и вообще опущена.¹⁰⁵ Примечательно, что и в издании «Academia» под ред. М. А. Цявловского, и в «малом» академическом издании под ред. Б. В. Томашевского этот момент в письме оставлен без комментария.¹⁰⁶ Эта осторожность была и разумной, и оправданной. Действительно, если оценка первых двух песен «Дон-Жуана» как шедевра Байрона была бы высказана Пушкиным *тотчас по их прочтении* Н. Н. Раевскому, это означало бы его хорошее и весьма обширное знакомство с другими произведениями английского поэта, так как в противном случае было бы невозможным сравнение с ними, без которого она не могла бы сложиться. Как было уже показано, до приезда в Кишинев Пушкин не имел под рукою французских переводов, а прочесть по-английски большой массив сложных поэтических текстов с помощью не очень хорошо знавшего язык Раевского он вряд ли бы смог, особенно принимая во внимание его гурзуфское времяпровождение. Хотя несколько лет спустя в «Отрывке из письма к Д.» он писал, что «в Юрзуфе жил <...> *сиднем*, купался в море и объедался виноградом», наслаждаясь полуденной природой «со всем равнодушием и беспечностью неаполитанского Lazzaroni» (Акад. VIII, 437; IV, 175), это была лишь маска поэта-ленивца, отдыхающего от творчества и житейских волнений. На самом деле, он в Гурзуфе набросал вчерне несколько стихотворений, начал работать над поэмой «Кавказ», написал «Замечания на черноморских и донских казаков», читал А. Шенье и Вольтера, занимался с Раевским английским языком.¹⁰⁷ «Корсар» и, предположительно, «Гяур» вписываются в последний пункт этого

¹⁰⁵ См. «Алфавитный указатель» в т. 13 и «Указатель имен» в дополнительном «Справочном томе».

¹⁰⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. / Под ред. М. А. Цявловского. М.: Гослитиздат, 1938. Т. 6. С. 489; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 10 / Текст проверен и примеч. составлены Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под ред. Б. В. Томашевского. С. 685 (повторено во всех последующих переизданиях «малого» академического собрания).

¹⁰⁷ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 197-199.

перечня, но для большего у друзей не могло хватить ни знания английского языка, ни времени. Остается поэтому заключить, что Раевским, которому Пушкин высказал свое мнение о двух первых песнях «Дон-Жуана», был либо старший брат Александр Николаевич (с ним после Крыма поэт виделся в Каменке в ноябре 1820 г., в Киеве в январе-феврале 1821 г. и, может быть, в Одессе в мае 1821 г.¹⁰⁸), либо однофамилец Владимир Федосеевич, с кем он общался с 5 августа 1821 г. по 5 февраля 1822 г. в Кишиневе.¹⁰⁹ И в том, и в другом случае у Пушкина могла уже быть солидная база для суждения в виде французских переводов как песней I–II «Дон-Жуана», так и разных других сочинений Байрона.

Заключая, остается признать, что презируемые В. В. Набоковым «русские комментаторы» и «русские издатели» добросовестно собрали сведения и сделали правильные, хотя и нуждавшиеся в уточнениях выводы о знакомстве Пушкина с поэзией Байрона в южный период, а высокомерные суждения автора «Лолиты» не выдерживают научной проверки.

II

«Унижусь до презренной прозы...»

В 1821 году «певец-гусар» Денис Давыдов, который, как ему напоминал Пушкин,

...пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов...,

а после войны

...славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутылку

(Акад. II, 202),

¹⁰⁸ Черейский Л. А. Указ. соч. С. 359; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 222, 224, 247.

¹⁰⁹ Черейский Л. А. Указ. соч. С. 360; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. С. 258

выпустил в Москве книгу под заглавием «Опыт теории партизанского действия». Когда она дошла до Кишинева и Пушкин с нею познакомился, он принялся писать стихотворное послание автору («Недавно я в часы свободы / Устав наездника читал...», июнь 1821–1822), чтобы выразить сожаление по поводу того, что «перебесилась наконец <...> проказливая лира» его друга, который, «сердцем охладев навек, / <...> стал в угоду миру / Благоразумный человек».

О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унижиться до прозы!¹¹⁰
Венчанный музою поэт <...>!

(Акад. II, 274)

Однако (не без изрядной доли, разумеется, литературного кокетства) Пушкин не исключал со временем и для себя подобной метаморфозы. Заглядывая в третьей главе «Евгения Онегина» (1824) в свое творческое будущее и предвидя возможное обращение к прозе, он писал:

Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат

(III, 13. 2–8; Акад. VI, 56–57).

В беловом автографе употреблен более сильный эпитет:

Унижусь до презренной прозы

(Акад. VI, 578).

¹¹⁰ Все неоговоренные курсивы в текстах Пушкина и Байрона — мои. В. Р.

На несколько лет сочетания «унизиться (низойти) до прозы» и «презренная проза» становятся в лексиконе Пушкина устойчивыми и довольно часто употребляемыми фразеологизмами.

«...стихов новых нет — пишу Записки, но и *презренная проза* мне надоела», — писал Пушкин брату из Михайловского в конце января - первой половине февраля 1825 года (Акад. XIII, 143).

В последних числах сентября
(*Презренной прозой* говоря)
В деревне скучно...

(«Граф Нулин», 1825, ст. 21–23;
Акад. V, 3).

«В деревне я писал *презренную прозу*, а вдохновение не лезет», — сообщал Пушкин П. А. Вяземскому 1 декабря 1826 года (Акад. XIII, 310).

«Почтенный александрийский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах *унизился* даже до *презренной прозы*...», — объяснял он в оставшемся незавершенным «<Письме к издателю “Московского вестника”>» (январь — февраль 1828) свои художественные новации в «Борисе Годунове» (Акад. XI, 67).

В последний раз эти выражения употребляет автор «Истории села Горюхина», провинциальный помещик Иван Петрович Белкин, рассказывая о своем в полном смысле этого слова *нисхождении* от высоких поэтических дерзновений к повестям, сюжеты которых составили «замечательные анекдоты», некогда им слышанные «от разных особ»: «Все роды поэзии (ибо о *смирненной прозе* я еще и не помышлял) были мною разобраны, оценены, и я непременно решился на эпическую поэму, почерпнутую из Отечественной Истории. Недолго искал я себе героя. Я выбрал Рюрика — и принялся за работу. <...> поэма моя подвигалась медленно, и я бросил ее на третьем стихе. Я думал, что эпический род не мой род, и начал трагедию “Рюрик”. Трагедия не пошла. Я попробовал обратить ее в балладу — но и баллада как-то мне не давалась. Наконец вдохновение озаарило меня, я начал и благополучно окончил надпись к портре-

ту Рюрика. <...> однако ж я почувствовал, что я не рожден поэтом <...> Я хотел *низойти к прозе*...» (Акад. VIII, 131).

После «болдинской осени», когда проза перестала быть для Пушкина, как ранее, лишь способом занять себя хоть каким-то писательским трудом в отсутствие поэтического вдохновения (см. выше цитату из письма Вяземскому; также в письме А. А. Дельвигу от 31 июля 1827: «...вдохновенья еще нет, покамест принялся я за прозу», т. е. за «Арапа Петра Великого» — Акад. XIII, 334) и выдвинулась в его творчестве на место, равное по значимости с поэзией, из его языка исчезают все выражения, обозначавшие ее второстепенное, “низшее” положение в творческой иерархии.

Комментируя строки из «Евгения Онегина», в которых проза названа «смирненной» (см. выше, с. 101), и приведя также другие цитаты, где по отношению к ней употреблен эпитет «презренная», Ю. М. Лотман пояснил, что «Пушкин, с одной стороны, иронически использует выражение поэтик XVIII в., считавших прозу низменным жанром, а с другой — отстаивает право литературы на изображение жизни в любых ее проявлениях, включая и наиболее обиденные». ¹¹¹ К сожалению, ни одной из поэтик, где проза характеризовалась бы как «смирненная», «презренная» или что-то по смыслу близкое, ученый не указал, оставив читателям верить ему на слово. Между тем, по всей видимости, отношение к прозе, выражаемое фразеологизмами, о которых идет речь, формировалось у Пушкина, в частности, не без яркого, как можно полагать, впечатления от мыслей по этому предмету Байрона, который в своих произведениях дважды — и оба раза в язвительно-полюемическом тоне — заговаривал о том, что, может быть, ему придется «опуститься» до прозы. В обоих случаях сатирические стрелы метили в поэтов-романтиков так называемой «озерной школы» — Уильяма Вордсворта, Сэмюэла Тейлора Кольриджа и Роберта Саути, осуществивших не принятую «певцом Гяура и Жуана» («Евгений Онегин», VII, 22.5; Акад. VI, 148) реформу английского поэтического языка, состоявшую в его сближении с живой,

¹¹¹ Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя. — 2-е изд. Л., 1983. С. 215.

разговорной речью обиденных людей и повлекшую с собою, в частности, широкое использование белого стиха как одного из средств достичь искомого эффекта.

В строфе LI шутильной поэмы «Беппо» (1817) Байрон приторно жаловался на то, что не владеет искусством писать легко на потребу вкуса читателей («the art of easy writing / What should be easy reading»), которым нравятся произведения, не требующие умственного напряжения для восприятия, например «греческие», «сирийские» и «ассирийские» стихотворные повести, где «изящнейший ориентализм» приправлен «западной чувствительностью» («A Grecian, Syrian and Assyrian tale; / And sell you, mix'd with western sentimentalism, / Some samples of the finest Orientalism»). В следующей строфе (LII), называя себя, в порыве деланного самоуничижения, «безвестным человеком» («a nameless sort of person»; в переводе В. В. Левика — «мелкий рифмач»), он заявил о своей приверженности рифме («I <...> take for rhyme»), с помощью которой, выбрав первую попавшуюся из словаря рифм, «сцепляет» свои «беспорядочные» стихи («to hook my gambling verse on»). Строфа кончается двустихием:

I've half a mind to tumble down to prose
But verse is more in fashion — so here goes.¹¹²

К этой же теме Байрон вернулся в строфах CC - CCVI первой песни (1819) «Дон-Жуана», где, назвав свое творение эпической поэмой («My poem's epic...» — CC), обосновал (все это, напоминая, язвительно полемически) его право числиться в этом жанре, т. е. принадлежать к высшему роду поэтических созданий, строгим соблюдением всех установленных Аристотелем и другими авторитетами канонических правил, за одним, впрочем, «небольшим отступлением» («one slight difference»), состоявшим в жизненной правдивости, невыдуманности всего сюжета. В этом он видел свое преимущество перед всеми писавшими до него в эпическом жанре и задумывался о том, что-

бы изложить свои «поэтические предписания» («poetical commandments») в специальном теоретическом опусе, который превзошел бы по значимости все когда-либо написанные труды такого рода и был бы подобен «Поэтике» Аристотеля и приписываемому Лонгину трактату «О возвышенном» (оба сочинения — прозаические). Строфа CCIV, где заявляется претензия на место среди величайших теоретиков литературы, открывается примечательной — для комментируемых в данной заметке выражений Пушкина — строкой:

If ever I should condescend to prose...¹¹³

Отметил Байрон (строфа CCI) и еще одно отличие — свое предпочтение рифмованного стиха белому:

Prose poets like blank-verse, I'm fond of rhyme,
Good workmen never quarrel with their tools...¹¹⁴

Известно, какое сильное влияние Байрона испытал Пушкин на юге и в Михайловском, с каким увлечением читал он произведения английского поэта и какое впечатление произвели на него две первые песни «Дон-Жуана» («Что за чудо Д.<он> Ж.<уан>! я знаю только 5 перв.<ых> песен; прочитав первые 2, я сказал тотчас Раевскому, что это Chef-d'œuvre Байрона...» — письмо Вяземскому от второй половины ноября 1825 г.; Акад. XIII, 243). Мимо его внимания не могли, конечно, проскользнуть строфы, в которых затрагивались столь важные положения, касавшиеся основ поэтического мастерства. Вряд ли остались незамеченными и строки, в которых Байрон говорил о прозе как бы свысока, и, следовательно, есть веские основания считать, что, по крайней мере, одним из источников, откуда брали свое начало пушкинские фразеологизмы, были «Беппо» и первая песнь «Дон-Жуана». Однако для полной уверенности необходимо объяснить, почему в употреблении Пушкина байроновские глаголы, выражавшие *нисхожде-ние* к прозе усилились эпитетом «презренная», приобретшим

¹¹³ Уж если я до прозы снизойду... (пер. Т. Г. Гнедич).

¹¹⁴ Перевод: Поэты-прозаики любят белый стих, мне нравится рифма, хорошие мастера не отказываются от своих инструментов.

¹¹² Перевод: Я уже почти готов *пасть до прозы*, но предпочитают стихи — так вот они.

характер постоянного. Сам ли Пушкин подчеркивал таким образом свое пренебрежение к этому роду литературы (писал, ведь, он Вяземскому 19 августа 1823: «Я обещал ему <Н. И. Гнедичу. — В.Р.> предисловие — но от прозы меня тошнит. Перепишись с ним — возьми на себя это 2 издание и освяти его своею прозой...» — Акад. XIII, 66)? Или прав был Ю. М. Лотман и на самом деле не обошлось без французских поэтик XVIII века? Или был еще какой-то дополнительный источник, который смодулировал мысль Байрона?

В французском языке 1820-х годов существовало устойчивое выражение «vile prose», в котором спектр значений прилагательного допускает его перевод на русский язык обоими пушкинскими определениями прозы: и «презренная», и «смирная» (в смысле «скромная», «простая», «непритязательная»¹¹⁵). Кем и когда оно было пущено в оборот и как часто употреблялось еще предстоит выяснить. В 1822 г. его использовал французский эллинист и литературный критик П.–Л. Курье (Courier, 1778 – 1825), а в 1830 г. рецензент московского журнала «Галатей», упоминая бегло в своей заметке о «Северных цветах на 1830 год» напечатанную там статью Пушкина «Отрывки из литературных летописей». Первый указал, что эпитетом «vile» характеризовали прозу Вольтер и ее «прочие хулители», второй (может быть, следуя французскому критику) определенно считал автором этого выражения Вольтера.¹¹⁶ Таким образом, словосочетание «vile prose» могло попасться на глаза Пушкину в разных французских публикациях, в том числе оно ему встретилось дважды и должно было привлечь внимание в переводах произведений Байрона.

Тема «Пушкин и Байрон» разрабатывается с появления первых рецензий на «Кавказского пленника»; за более чем полтора века написаны десятки работ, высказано множество соображений разного толка, накоплена масса наблюдений, выявлено

¹¹⁵ Словарь языка Пушкина. М., 1961. Т. 4. С. 218.

¹¹⁶ См.: Пушкин в прижизненной критике, 1828 – 1830. СПб., 2001. С. 228, 450. О том, что это выражение получило хождение и в России, говорит его употребление в письме П. А. Катенина к Пушкину от 1 июня 1835 г.: «Нет ли у тебя знакомого греколога, кто мог бы en vile prose рабски переложить крошечные два стихотворения Сафы...» (Акад. XVI, 32).

огромное количество параллелей и реминисценций, явных и скрытых цитат. Однако все это время нарушался принцип филологической точности, и поэтому некоторые важные детали остались нераскрытыми. Все занимавшиеся этой темой, кроме В. В. Набокова и Джона Гаррарда, читали и цитировали Байрона по-английски (в худшем случае, в русском переводе!), все сопоставления проводились между текстом Пушкина и английским подлинником. Между тем, как говорилось в предыдущей заметке, и на юге, и в Михайловском Пушкин читал Байрона в французских переводах и через них воспринимал идеи, образы и художественные приемы его новаторской поэзии.

Байроновские «I've half a mind to tumble down to prose» («Верро», LII) и «If ever I should condescend to prose» («Don Juan», I, 204) французский переводчик передал соответственно: «...je suis presque tenté de redescendre à la vile prose...» и «Si jamais je descends jusqu'à la vile prose...»,¹¹⁷ что, если бы не эпитет «vile», точно соответствовало бы английскому подлиннику. Вставляя его от себя в перевод, французский литератор не придавал ему, видимо, уничижительного оттенка, но употребил его лишь для усиления действия «нисходить», выраженного глаголом. В подтверждение этой догадки можно сослаться на строфу LXXIX поэмы «Беппо», где Байрон, объясняя, что у него есть особые причины благодарить бога за невежество его героев, обещал их изложить в прозе:

And as, perhaps, they would not highly flatter,
I'll keep them for my life (to come) in prose...¹¹⁸

В этом случае оттенок «нисхождения» отсутствует, и переводчик обходится без вставляемого им в других случаях эпитета «vile»: «...je me réserve de les faire connaître un jour lorsque j'écrirai en prose...».¹¹⁹

¹¹⁷ Byron G. Œuvres complètes... 2d éd., rev., corr. et augm. de plusieurs poèmes Paris, 1820. Т. 2. P. 282, 161.

¹¹⁸ Перевод: Но они могут показаться не очень приятными, поэтому я придержу их на будущее в прозе.

¹¹⁹ Byron G. Œuvres complètes... Т. 2. P. 293. Перевод: я оставляю за собой познакомиться с ними позднее, когда буду писать прозой.

Если французский эпитет не нес в себе оценки прозы в литературно-теоретическом аспекте или она присутствовала в крайне ослабленной степени, то не приобрел ли он дерогативного значения в восприятии Пушкина, употреблявшего, как видно из приведенных выше примеров, его русские соответствия («презренная», «смирренная») и без глаголов «низойти» или «унизиться»? Литературоведы (Н. О. Лернер, Б. М. Эйхенбаум, Д. Д. Благой, Л. С. Сидяков, П. Дебрецени и др.) убедительно показали, что проза была для Пушкина иной, нежели поэзия формой художественной речи, иным «типом мирозерцания, отношения к реальной жизни, восприятия объективного мира»,¹²⁰ что подсказало известную антитезу:

...Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой

(«Евгений Онегин», II, 13. 5–7; Акад. VI, 37).

В 1820-е годы занятия прозой мыслились Пушкиным, как видно из его писем (см., в частности, выше), родом творчества, несовместным с поэтическим и возможным только в промежутках, когда последнее временно затухало. Подобное отношение к прозе должно было бы, на первый взгляд, служить предпосылкой для формирования взгляда на нее как на «презренную» и «смирненную». Но параллельно для Пушкина было характерно четкое понимание насущной и важнейшей для русских писателей задачи — создания художественной прозы и «метафизического», как он называл, «ясного, точного языка прозы <...> языка мыслей» (письмо Вяземскому от 13 июля 1825 г.; Акад. XIII, 187), на котором могли бы говорить по-русски «ученость, политика и философия» и за отсутствием которого, сетовал он, приходилось «даже в простой переписке <...> создавать <курсив Пушкина. — В.Р.> обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных» («<Причинами, замедлившими ход нашей словесности...>», 1824; «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825 —

¹²⁰ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М., 1967. С. 229.

Акад. XI, 21, 34). Первые замечания Пушкина по этому вопросу относятся уже к 1822 г., и на их фоне уничижительные эпитеты не могут быть приняты в буквальном их значении как выражение твердых эстетических представлений, но становятся всего лишь заимствованными у Байрона атрибутами время от времени надеваемой литературной маски, представляющей «остепенившегося» и лишившегося вдохновения поэта, опускающегося до ранее презиравшегося им занятия — сочинения прозы.

Эту маску, в которой он чем-то был похож на Дениса Давыдова, им же осыпанного упреками в послании 1821–1822 г., Пушкин примерял на себя, например, в одном из черновых вариантов строфы XVII второй главы «Евгения Онегина», где тоже прослеживается отголосок выпада Байрона по адресу «прозаических поэтов», увлекающихся белым стихом:

Уж я не тот [игрок нескромный]!
Вверяясь [ветреной мечте]
Не ставлю грозно карте темной
Заметя тайное *руте*
[Мелок оставил я] в покое —
Атанде слово роковое
Мне не приходит на язык
От рифмы тоже я отвык
Что буду делать между нами
Всем этим утомился я
На днях попробую друзья
Заняться белыми стихами...

(Акад. VI, 281-282;
курсивы Пушкина. — В.Р.).

Еще раз появился Пушкин в этой маске в строфах XLIII–XLV шестой главы:

Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь
За ней *ленивей* волочусь

(VI, 43. 5–8; Акад. VI, 135).

Эти строки были написаны 10 августа 1827 г. в разгар работы над «Арапом Петра Великого», между его черновиками, и содержат явную автореминисценцию стихов 17–20 послания «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат...») более чем шестилетней давности (23 марта 1821):

К неверной Славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой

(Акад. II, 168).

В. В. Набоков считал необходимым в комментарии к «Евгению Онегину», IV,10.2 («А волочился как-нибудь») объяснить английским читателям непередаваемый в переводе смысловый оттенок, отличающий русский глагол «волочиться» от «более или менее эквивалентных ему английских оборотов “to dangle after petticoats” (бегать за юбками), “to dally with” (флиртовать), “to court a woman” (ухаживать за дамой) и т.п.»: «В нем больше от “dragging oneself” (тащиться) <...>; ведь на самом деле он образован от глагола “влачить”, “волочить”, означающего “тащить по земле”». ¹²¹ В послании «Дельвигу» этот оттенок чувствуется отчетливо. Такое же различие имеется между «волочиться» и французским глаголом «courir après quelqu’un» (гоняться за кем-либо), которому русский является принятым соответствием (но отнюдь не точным эквивалентом). Тонкие расхождения в спектре значений и позволили Пушкину, переводя как бы буквально французское словосочетание «courir après la gloire» (гнаться за славою), создать комически окрашенный и сочно выразительный галлицизм «волочиться за славою». Именно глагол «courir après» употребил французский переводчик в строфе LI «Беппо» для байроновского «I <...> take for rhyme, to hook my rambling verse on» (см. выше): «Je cours après les rimes pour y ajuster mes vers divagans». ¹²² Посколь-

ку эта фраза находится в той же строфе «Беппо», где говорится об искушении опуститься до презренной (vile) прозы, то есть основание в пушкинских вздохах по поводу того, что он все ленивей волочится за рифмой, не только видеть автореминисценцию послания «Дельвигу», но и слышать наложившийся на нее байроновский мотив, воспринятый через исполнение французского переводчика.

Любопытно, что в 1868 г. П. Мериме употребил выражение «vile prose» применительно к своим прозаическим переводам пушкинских стихотворений. «Хотя и невозможно, — писал он, — переводить стихи и особенно стихи лирические низкой прозой (en vile prose), я все же попытаюсь дать пример его манеры». ¹²³

¹²¹ Набоков В. В. Комментарий к роману А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Пер. с англ. СПб., 1998. С. 350.

¹²² Byron G Œuvres complètes... Т. 2. P. 282 Перевод. Я гоняюсь (волочусь) за рифмами, чтобы ими соединить мои разбредующиеся стихи.

¹²³ Mérimée P. Alexandre Pouchkine // Mérimée P. Portraits historiques et littéraires. Paris, 1874. P. 334.